

Прощение

Автор:

[Ирса Сигурдардоттир](#)

Прощение

Ирса Сигурдардоттир

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Полиция Рейкьявика расследует похищение шестнадцатилетней девушки. Преступник снял серию видеороликов, на которых зареванная жертва просит за что-то прощения. Эти видео были разосланы через приложение «Снэпчат» всем ее подписчикам.

Через несколько дней девушку находят мертвой. Рядом с телом обнаруживается листок бумаги, на котором пропечатана жирная цифра 2.

И снова расследование ведут полицейский Хюльдар и детский психолог Фрейя. Они выясняют, что убитая была далеко не таким ангелом, каким ее описывают учителя и подруги. Но кто мог разозлиться на школьницу до такой степени, чтобы решиться на ее убийство?

Тем временем прямо из дома похищают пятнадцатилетнего подростка. И снова – серия видео с извинениями, разосланная подписчикам. Как и лист бумаги с цифрой 3, обнаруженный прямо на месте преступления.

Значит ли это, что похищения продолжатся? И... как насчет жертвы номер 1?

Ирса Сигурдардоттир

Прощение

Yrsa Sigurðardóttir

Aflausn

Copyright © Yrsa Sigurðardóttir 2016.

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Женские туалеты на нижнем этаже выглядели заброшенными: сухие раковины, приоткрытые дверцы пустых кабинок.

Заведение пребывало в том состоянии, в каком ему и надлежало пребывать после всех столпотворений этого вечера. Из переполненных мусорных корзин лезли использованные бумажные полотенца. Повсюду валялись пустые банки из-под кока-колы. Рассыпавшееся по полу содержимое большой коробки попкорна было безжалостно раздавлено женщинами, в отчаянии переминавшимися с ноги на ногу в очередях.

Такой же бардак творился, должно быть, и в мужских туалетах, и Стелла тихо радовалась, что убираться там – не ее работа. Весь этот хаос объяснялся наплывом публики на два сверхпопулярных фильма и немалым вниманием к остальным картинам. Перед началом сеанса и в перерывах толпа у киоска в фойе собиралась такая, что автомат по продаже попкорна не смог удовлетворить всех желающих, хотя его заранее зарядили по полной, и диетическая кола тоже кончилась, к огромному недовольству собравшихся. Стелла даже закусила губу, чтобы не сорваться и не ответить грубостью на обвинения в свой адрес. В конце концов, закупка товара и отслеживание запасов – не ее обязанность.

Девушка замерла в дверях, внезапно осознав, что она совершенно одна. Одна во всем здании.

Ее окружала абсолютная тишина: ни приглушенного шума из залов, ни щебетанья коллег. Как обычно, она сама предложила закрыть всё после сеансов и теперь, стоя у стеклянной стены в фойе, смотрела, как другие девушки исчезают в круговерти метели. Однако не успели они скрыться за плотной белой вуалью, как Стелла пожалела о своей щедрости. Не то чтобы ее мотивы были исключительно бескорыстными. На самом деле она не смогла удержаться от соблазна похвастать тем, что у нее есть парень – парень с машиной. Ведь толкаться в автобусах – это не для нее.

Мысли вернулись к снэп-сообщению, полученному сразу после последнего перерыва. Отправителя Стелла не знала – в списке добавленных он не значился. Конечно, давно уже следовало бы изменить настройки аккаунта и заблокировать поступление сообщений от незнакомцев, тем более что теперь пользоваться приложением начали и пожилые люди. Мало им было «Фейсбука», теперь они захватили еще и «Снэпчат».

Стелла почти не сомневалась, что отправитель – какая-нибудь старая калоша: может быть, мамина подруга или позабытый всеми родственник. Имя пользователя тоже ничего ей не говорило – Just13. Кстати, это мог быть и мальчишка, которому только что исполнилось тринадцать. Это объяснило бы, почему сообщение такое странное.

На полученном фото Стелла подавала попкорн клиенту, причем момент был выбран не самый удачный: на ее лице застыла гримаса, а тело – точнее, только краешек – склонилось под неестественным углом. Ни красивой позы, ни улыбки. Подпись была не менее странной, чем само сообщение: «До скорого».

Кем бы ни был отправитель, он, очевидно, находился в кинотеатре, но поздороваться не подошел. Может быть, какой-нибудь застенчивый малолетка, которому не достало смелости заговорить? Если так, то парнишке повезло, потому что она обязательно объяснила бы, куда ему следует пойти. Знакомство с крипом[1 - Крип – на подростковом сленге обозначает либо некрасивого мужчину, ведущего себя странно, либо незаметно следящего за кем-то человека.] ее не интересует, а прислать такой вот снэп мог только крип.

Стелла закрыла за собой дверь. Гидравлика была сломана, поэтому сначала дверь двигалась медленно, а потом внезапно набрала скорость и с грохотом захлопнулась. Шум отразился от выложенного кафелем пространства и эхом отдался в голове, резко контрастируя с тишиной.

Наверху ощущалось некоторое беспокойство, но здесь, на нижнем уровне, было гораздо хуже. В фойе можно было хотя бы посмотреть в окно и видеть улицу, насколько позволял густо падающий снег. Должно быть, именно непогода и загнала в кинотеатр такие толпы. Все эти фильмы Стелла уже видела и знала, какое они дерьмо; тем не менее, глядя на экран, можно было на время забыть про арктические условия снаружи.

Хотя сейчас даже метель казалась предпочтительнее опустевшего кинотеатра. Скорее бы приехал Хёдди. И пусть машина – развалюха, и пусть не работает печка, это все равно лучше автобуса. То же относится и к Хёдди. Он, конечно, не сказочный принц, но с ним веселее, чем одной. Пока и такой сойдет, а она тем временем поищет кого-нибудь получше. Кого-нибудь с крутой тачкой, чтобы подружки позеленели от зависти. Вот какой парень ей нужен. Не Хёдди, которого она всегда старалась отодвигать на задний план, публикуя снимки в соцсетях.

Стелла выбрала самую дальнюю кабинку и торопливо задвинула задвижку. Напротив кабинок тянулись раковины под огромным, во всю длину стены, зеркалом. Ей не слишком хотелось видеть себя сейчас: усталой, без макияжа, с неухоженными волосами и невыщипанными бровями. На проборе виднелись темные корни, подобно гоночной полосе на капоте машины Хёдди. Жуть.

Перед тем как спуститься сюда, Стелла остановилась возле картонной фигуры призрака, рекламирующей новый фильм ужасов, шедший в первом зале. Хотела отправить подругам снэп – Стелла с призраком! – но передумала, решив, что не стоит показываться в таком паршивом виде. Да и стоять рядом с жутковатым типом было стремно, хотя она знала, что это лишь огромный кусок картона. Нет, фотку лучше сделать в другой раз, когда приведет себя в порядок и рядом будут люди... Хорошо бы зарплата пришла вовремя, потому что она уже записалась в салон красоты на первое число следующего месяца. Какая досада, что сделать красивые волосы так охренительно дорого!

Стелла спустила трусики и пописала, присев над сиденьем. Одному богу известно, каких микробов оставили на нем посетители кинотеатра. Она ни за что не станет одной из шлюх, цепляющих на себя всякую гадость.

Сквозь журчание мочи было слышно, как дверь туалетной комнаты открылась. По голым бедрам побежали мурашки. Кто, черт возьми, это может быть? Вернулась одна из коллег? Но как она вошла? Мысли снова вернулись к недавнему снэпу. Ведь это же не Just13?

И снова громкий стук, оповещающий о том, что дверь закрылась. Стелла задержала дыхание, прислушалась. Может, это охранник пришел пораньше и теперь проверяет, всё ли в порядке?... Поскрипывание обуви выдавало чье-то присутствие. Она здесь не одна.

Струйка обмелела до нескольких капелек, падавших в унисон с шагами. Должно быть, это женщина. Конечно, женщина. Что делать мужчине в женском туалете пустого кинотеатра в такое позднее время? В мужском ведь тоже никого. Стелла уже хотела подать голос, спросить, кто там, но в последнюю секунду сдержалась. Потянулась за туалетной бумагой; оторвала, тихонько, как только смогла, несколько квадратиков, подтерлась и, натянув брюки, выпрямилась. Стало чуть легче: по крайней мере, она не чувствовала себя совсем беззащитной.

Но так продолжалось недолго.

Под дверцей кабинки появились два ботинка, достаточно широких, чтобы принадлежать мужчине. Стелла зажала рот руками, чтобы подавить крик. Почему он здесь?

Ноги не двигались; неизвестный просто стоял, словно перед входом в квартиру, раздумывая, позвонить в звонок или нет. Что было недалеко от истины, потому что в следующую минуту раздался громкий стук в дверь. Девушка беспомощно уставилась на нее, словно это могло подсказать, что происходит.

Проснулся телефон. Дрожащей рукой она достала его из кармана, едва не выронив, когда увидела еще один снэп от Just13.

Палец сам собой коснулся экрана, и новый крик рванулся из горла: на фотографии была закрытая дверь, похожая на дверь ее кабинки. Нет, не похожая, а именно эта, отделяющая ее от отправителя. Подписи не было.

В дверь постучали еще раз. Стелла подалась назад, прижалась к сливному бачку.

– Кто там? – Слова выскочили прежде, чем получилось удержать их. Голос звучал слабо и жалко. Совсем не так, как обычно. Стелла привыкла быть вожаком стаи. Сильной. Решительной. Беспощадной к слабакам и нытикам, таким, как...

Дверь затряслась от стука. Рассчитывать на защиту хлипкой задвижки не приходилось. Голова шла кругом. Стелла лихорадочно огляделась, ища что-нибудь, что могло бы спасти ее.

Держатель для туалетной бумаги. Пластмассовая корзинка с крышкой. Подвесной унитаз, который можно было бы швырнуть в голову незнакомцу, если тот ворвется. Вот только оторвать его от стены ей было не по силам. И тут она вспомнила о телефоне, который держала в потной руке. Позвонить в полицию? Или Хёдди? Если он уже выехал, то должен быть ближе, чем копы.

Принять решение она не успела. Незнакомец бросился на дверцу, замок вылетел, дверца ударила Стеллу по голове, отбросила назад, и оглушенная девушка шлепнулась на крышку унитаза. Удержав подступивший к горлу комок желчи, заставила себя посмотреть незнакомцу в лицо – и в первую секунду подумала, что его скрывает тень, таким темным оно было.

Потребовалось мгновение, чтобы понять, что она смотрит на блестящую маску Дарта Вейдера под капюшоном анорака. Он пялился на нее сквозь миндалевидные отверстия, но прочитать выражение его глаз не получалось.

Рука в перчатке выхватила телефон. Пальцы пробежали по экрану. Может, просто вор? Пусть забирает телефон. И все, что в карманах. Все, что осталось до полочки в конце месяца. Сумочку. Что угодно. Только пусть уйдет. Только пусть не трогает.

– Так, так, так. – Голос был странный, почти такой же, как у Дарта Вейдера. Хриплый, будто горло выложили наждачной бумагой. Должно быть, маска шла в комплекте с дешевым преобразователем голоса. Он нацелил на нее телефон, как будто собирался снять сидящей на унитазе. Что ему надо? Зачем вору видео или фото владельца телефона? – А теперь я хочу, чтобы ты постаралась. Проявила себя.

- Что? - Стелла отползла немного назад, ее спина прижалась к стене. Ощущение твердой ледяной поверхности сквозь тонкий джемпер только усилило трясучку.

- Скажи, что тебе жаль. Проси прощения.

Даже не пытаясь сопротивляться, девушка произнесла то, что от нее хотели, несмотря на подступившие к горлу рыдания.

- Нет. Так себе. Неубедительно. Постарайся, ты можешь лучше.

Она старалась. Снова и снова повторяла одни и те же слова, пока они не зазвенели в ушах, как что-то нереальное, ненастоящее. Но незнакомцу так и не угодила.

И за это ей пришлось заплатить.

Глава 2

- Нам нужен экран побольше.

Наконец-то кто-то из собравшихся в оперативной выразил то, о чем думали все. С самого начала, как только запустили воспроизведение, детективы придвинулись поближе к стене, где на смехотворно маленьком экране демонстрировалась запись с камер видеонаблюдения кинотеатра.

Эртла, сидевшая на столе у самого экрана, раздраженно оглянулась.

- Постарайтесь сосредоточиться. Качество паршивое, и большой экран не поможет. Но если нейдет, можете изложить просьбу в письменном виде и положить в ящик для предложений.

Возражений не последовало, и Хюльдар знал почему. Эртла не терпела, чтобы ей перечили. Она была неплохим боссом, но не слишком заморачивалась с человеческой стороной дел. Ни на секунду не верилось, что выраженное в

письменной форме пожелание иметь в оперативной приличный экран найдет дорогу в ящик для предложений: все уже усвоили на горьком опыте, что этот ящик не что иное, как кладбище жалоб.

– Смотрите. Вот оно. – Эртла повернулась к экрану. – Вот. Смотрите на тот картонный манекен, или как оно там называется.

Взгляды послушно устремились в угол экрана. Незадолго до этого мимо картонной фигуры прошла девушка. Задержавшись на несколько секунд, она состроила гримасу, поигралась с телефоном, сделала несколько селфи и проследовала дальше. Последний раз, когда девушка появлялась в полный рост.

На нижнем уровне, где находились туалеты, и на ведущих к ним ступеньках камер наблюдения не было. Судя по индикации времени на записи и видеоклипах, посланных с телефона девушки, в этот момент она, вероятно, направилась к дамским туалетам.

Из-за манекена внезапно материализовалась неясная темная фигура, и все одновременно подались вперед. Должно быть, это и был злоумышленник.

Качество записи действительно оставляло желать лучшего, но, когда неизвестный предстал в полный рост, стало ясно, что идентификации не помогла бы даже идеальная картинка: на нем был широкий темный анорак с поднятым капюшоном, маска Дарта Вейдера, темные брюки, заправленные в высокие ботинки, и темные перчатки. В считанные секунды незнакомец исчез из кадра, проследовав в том же направлении, что и работница кинотеатра.

– И вот что мы имеем. Он прятался за этой дурацкой штуковиной и ждал девушку. – Эртла поставила запись на паузу. На экране застыла картинка: картонный призрак в пустом фойе. – Нам предстоит просмотреть все записи с момента открытия кинотеатра и определить время его появления. По крайней мере, мы можем быть совершенно точно уверены, что вошел он без маски. – Эртла встала и повернулась к подчиненным. – Дело нелегкое. По данным администрации, кассы продали вчера более шестнадцати сотен билетов. Открылись они в два часа, как бывает в каждое воскресенье, и узнать, когда он вошел, невозможно. Может быть, явился к первому сеансу и прятался до закрытия, причем необязательно за манекеном. Кому-то придется изучить все записи для определения временного интервала.

Все, включая Хюльдара, понурились и уставились в пол, молча моля небеса возложить эту ношу на чужие плечи. Со стороны они, должно быть, напоминали кучку детишек, играющих в музыкальные статуи[2 - Детская игра. Суть ее заключается в том, что игроки двигаются под музыку и должны замереть после того, как ведущий остановит ее в случайном месте. После этого из игры выбывают те, кто продолжает двигаться или не успел остановиться достаточно быстро. И так – до последнего человека, который и становится победителем.]. Босс нахмурилась.

– Также кто-то должен просмотреть списки покупателей. В кино не принято ходить в одиночку, поэтому стоит обратить внимание на тех, кто купил один билет. Если сумеем определить, во сколько пришел наш клиент, то, может быть, получится сократить список, отобрав тех, кто купил билет в кассе примерно в это время. Если, конечно, покупка оплачивалась карточкой. Если он заплатил наличными, то мы в жопе.

– Билет могли купить и онлайн. Заранее. – Как обычно, Гвюдлэйгюр мгновенно покраснел, подав голос. Хюльдар одобрительно кивнул. В офисе они занимали места друг напротив друга и со временем сформировали команду внутри команды. Как правило, им и задания поручали одни и те же. Времена, когда Хюльдар хотел бы иметь напарником детектива более опытного, прошли – с тех пор он научился ценить достоинства молодого коллеги. Гвюдлэйгюр мог быть чутким и проникательным, если только преодолевал мешавшие ему низкую самооценку и неуверенность. – Я к тому, что билеты продаются не только через кассу. Так что... если...

Поняв, что напарник потерял мысль, Хюльдар поспешил вмешаться.

– Если злоумышленник покупал билет онлайн, то мог запросто взять два, чтобы не привлекать к себе внимания. Наверняка понимал, что мы станем проверять продажи и брать на заметку одиночек. С другой стороны, покупая онлайн, он засветил карточку, и для нас это плюс. Точнее, станет плюсом, когда появятся имена потенциальных подозреваемых.

Вмешательство не произвело на Эртлу впечатления. Отвечая, она обратилась не к Хюльдару, но к Гвюдлэйгюру. В этом не было ничего нового. Их отношения оставались напряженными после внутреннего расследования по выдвинутым против нее обвинениям в сексуальном домогательстве. И хотя никаких дальнейших действий не последовало, случившееся оставило не самые лучшие

воспоминания. С тех пор Эртла вела себя так, словно Хюльдара не существует, не смотрела в его сторону и не заговаривала без крайней необходимости. Опасалась ли она, что любое их общение может быть неправильно истолковано, или на дух не переносила его самого, Хюльдар не знал.

Сама процедура внутреннего расследования далась тяжело, но теперь, когда все осталось позади, он допускал, что, пожалуй, оно того стоило. Каких-либо последствий удалось избежать, и это позволило ему вздохнуть с облегчением. По крайней мере, исчезла необходимость вести неловкие разговоры, объясняя, что та ночь была ошибкой.

– Я знаю, что билеты продаются онлайн. И имела в виду также онлайн-продажи. Но если преступник не полный кретин, то взял билет за наличные. Будем пока исходить из этого, хотя, конечно, проверим и второй вариант. Теперь доволен? – Гвюдлэйгюр смущенно заерзал на стуле и кивнул. – Вот и хорошо. А если что, можешь выйти сюда и продолжить.

Окружающие рассмеялись, но босс не показала даже намека на улыбку и, взяв со стола пульт, запустила следующий видеоклип.

– Вот он, выходит из здания. Как видите, ожидать, что мы найдем жертву живой, не приходится.

На экране появился вид с другой камеры: стеклянная дверь запасного выхода, которой пользовались главным образом курильщики, выскальзывавшие наружу во время интервала между сеансами.

Судя по выражению на лице полицейского, просматривавшего записи рано утром, дальнейшее ничего хорошего не предвещало.

Человек в черном появился в кадре спиной к камере, волоча безжизненное тело за лодыжки. Из-под закинутых за голову рук выбивались длинные волосы. Джемпер съехал вверх, обнажив полоску голого живота и краешек бюстгалтера. У выхода человек в черном остановился, выпустил ногу, тяжело упавшую на пол, и уже собрался поднять державший дверь стальной прут, но заколебался, бросив на жертву быстрый взгляд.

– Эй! – детектив из первого ряда указал пальцем на экран. – Она шевельнулась.

Эртла снова остановила запись. Она хмурилась и выглядела измученной.

– Похоже, девушка издала какой-то звук. Может быть, пришла в себя. А может, просто предсмертные судороги. В любом случае это несущественно. Смотрим. – Она снова включила воспроизведение.

Детективы замерли, словно по команде задержав дыхание. Человек в черном шагнул к жертве и ткнул ее в бок мыском правого ботинка. Голый живот дрогнул, словно от судороги, и пальцы руки конвульсивно дернулись. Преступник повертел головой, огляделся, подошел к висящему на стене огнетушителю, снял его и вернулся к телу.

– Дерьмо. – Хюльдар даже не заметил, что выругался вслух, и, сделав над собой усилие, не отвел глаза. Сидящий рядом Гвюдлэйгюр сначала зажмурился, но потом, следуя примеру старших товарищей, заставил себя смотреть на то, как тяжелый цилиндр с силой опускается на голову девушки. Больше она уже не шевелилась.

Неизвестный открыл дверь, снова взял девушку за лодыжку и вытащил из здания. Потом не спеша повернулся и, глядя на камеру наблюдения, помахал рукой. А через несколько секунд исчез за снежной пеленой, волоча за собой тело.

Дверь осталась открытой. На полу темнела широкая полоса.

* * *

Гвюдлэйгюр поднялся из-за компьютера, провел ладонью по светлым волосам.

– Пойду за кофе. Будешь? – Лицо его посерело, и Хюльдар понимал парня. Он и сам, будучи детективом со стажем, с трудом переносил сцены жестоких убийств. Некоторым полицейским удавалось понизить порог чувствительности до полного равнодушия, другие так и не привыкли. К какой группе присоединится Гвюдлэйгюр, покажет время.

– Да, пожалуйста. Черный. – По правде говоря, Хюльдар предпочел бы что-нибудь покрепче.

Отправляться за кофе Гвюдлэйгюр, однако, не спешил. Может быть, и сам не очень-то хотел.

– Как думаешь, он ее знал или выбрал случайно?

– Судя по тому, что заставил просить прощения, знал. Но принимать это как факт еще рано. Может, она просто ошиблась с его заказом в киоске. – Объяснять не пришлось: как и все остальные, его напарник видел жуткие видео, отправленные с телефона Стеллы всем ее фолловерам. После просмотра записей команде показали снэпы, на которых жертва снова и снова, с нарастающим отчаянием, просила прощения, хотя в чем именно она провинилась, оставалось загадкой.

На самом последнем из них, без которого Хюльдар вполне мог бы обойтись, преступник несколько раз ударил девушку головой о чашу унитаза. В какой-то момент в кадре появилась рука в перчатке, державшая ее за волосы. К счастью, разрешение в этих клипах было даже более зернистым, чем на кадрах видеонаблюдения, поскольку воспроизведение шло на маленьком экране телефона. Пока полиции приходилось довольствоваться этим методом, потому что сохранить снэп-сообщения после просмотра не представлялось возможным.

Сейчас начальство пыталось получить оригиналы непосредственно от компании, которой принадлежало приложение. Только тогда клипы можно будет увидеть в полном разрешении. Но даже плохое качество не могло скрыть рвущие душу крики и стоны, звучавшие все тише и слабее. Смотреть на это еще раз в высоком разрешении, когда такое станет возможным, не было ни малейшего желания.

До недавнего брифинга Хюльдар почти ничего не знал об этом приложении. Если он правильно понял, каждый снэп можно посмотреть дважды. После просмотра всеми получателями он самоуничтожается. Хочешь увидеть дважды – смотри сразу. Потом снэп исчезает навсегда, и восстановить его невозможно. Даже если речь идет о полицейском расследовании или национальной безопасности.

Им просто невероятно повезло, что видео набрало так много подписчиков. Также удалось отследить нескольких друзей жертвы, узнать, подписаны ли они на нее, и конфисковать телефоны. Было критически важно, чтобы не все контакты просмотрели полученные сообщения.

Телефон самой Стеллы найден не был. В Сети он не появлялся, и предполагалось, что убийца избавился от него. Недостатком ума человек в черном определенно не страдал, и рассчитывать на то, что он оставит телефон себе, а тем более рискнет быть выслеженным и включит, не приходилось.

– Как думаешь, что чувствовал ее бойфренд, посмотрев это? – Гвюдлэйгюр так и стоял у стола, позабыв о своем предложении сходить за кофе.

– Его это потрясло. Парень в шоке.

Молодой человек ехал к кинотеатру, когда на его телефон начали поступать снэпы. Он посмотрел их, стоя на светофоре, и сперва подумал, что это дурная шутка. Потом стал думать, что, возможно, девушка изменяла ему и теперь просит прощения. Правда, так и не понял, почему это было сделано столь странным образом, в туалете.

Ко времени получения последнего снэпа стало ясно, что это не шутка и не извинение за измену. Но вместо того чтобы вызвать копов, парень примчался к кинотеатру, выскочил из машины и принялся колотить в двери. Согласно составленной временной шкале, к этому моменту преступник уже покинул здание через боковой пожарный выход. Бросившись наконец искать другой вход, юноша увидел открытую стеклянную дверь и кровавый след и сразу же позвонил в полицию.

Гвюдлэйгюр отвернулся и уставился в окно с видом на серое небо, нависшее над столь же серым городом. Густой снегопад, обрушившийся на Рейкьявик накануне вечером, сменился грязно-бурой кашницей под колесами машин. Столкнувшись с этой депрессивной картиной, Гвюдлэйгюр снова повернулся к напарнику.

– Что она могла ему сделать? Чем заслужила такое?

– Ничем, – бесстрастно ответил Хюльдар. – Такое ничем оправдать нельзя. Ей было всего шестнадцать. Сейчас наша задача – понять мотив. И чем раньше мы начнем копаться в ее жизни, тем скорее, по всей вероятности, обнаружим его.

Им поручили проверку биографии погибшей. Задание, может быть, не самое увлекательное, но куда как предпочтительнее присутствия при разговоре с родителями погибшей девушки. Заметив, как они пересекают офис, направляясь к крохотной приемной, Хюльдар поспешно опустил глаза. И не только он. Мать прижимала к груди лэптоп дочери, словно щит от возможных потрясений.

Теперь лэптоп стоял на столе Хюльдара, ожидая, пока детектив займется его содержимым. На фоне стандартного черного оборудования полицейского участка он выделялся белым цветом и яркими наклейками в виде бабочек. Гаджет девушки-подростка, едва вышедшей из детства.

Разговор с родителями наверняка был душераздирающим. Поскольку Стеллу еще не нашли, они лелеяли слабую надежду, что она вдруг появится, живая – вопреки всему, что им сказали. Одна из самых неприятных для Эртлы задач заключалась в том, чтобы донести беспощадный в своей простоте факт: их дочь почти наверняка мертва.

Взгляд Хюльдара устремился к ее офису, офису, который когда-то занимал он сам, хотя ни единой секунды не жалел, что освободил его. Родители Стеллы уже ушли. Эртла стояла у стеклянной стены, сложив руки на груди, и весь ее вид выражал ту же бескомпромиссную решимость, что и ранее, в оперативной комнате. В какой-то миг их взгляды встретились – и сразу же разбежались.

Гвюдлэйгюр ничего не заметил. Он тоже выглядел озабоченным, хотя и по другой причине. В конце концов молодой детектив тяжело вздохнул и продемонстрировал наконец признаки готовности сходить за кофе. Но сначала задал вопрос, ответа на который явно не ждал:

– На кой черт он забрал с собой тело? Как ни стараюсь, придумать объяснение не могу.

В этом он был не одинок.

Глава 3

– Что ты знаешь о девочках-тинейджерах?

Ни «здравствуй», ни «привет», ни «доброе утро», ни даже «как дела?». Не представился. Не то чтобы в этом была какая-то надобность. Хотя Фрейя не видела и не слышала Хюльдара несколько месяцев, голос его узнала быстро. Слишком быстро. И это ей не понравилось. Она никогда не получала неожиданных, как гром с небес, звонков от тех, с кем хотела бы поговорить.

– Добрый день, – холодно сказала она – и сразу же пожалела, что ответила. Можно было изменить голос, притвориться кем-то другим, сказать, что Фрейи нет в стране и не будет весь следующий месяц... Что бы там ни хотел Хюльдар, это могло означать только одно: большие неприятности и потрепанные чувства.

– О... Привет. Извини. Это Хюльдар. – Он помедлил, оставив паузу для ответа, и, не дождавшись реакции, добавил: – Я тут подумал, не согласишься ли ты помочь мне. У нас дело, связанное с девочкой-тинейджером, и я хотел попросить у тебя совета.

Фрейя мгновенно сообразила, о чем речь, и невольно почувствовала себя заинтригованной. Первоначальное намерение закончить разговор как можно скорее позабылось. Начиная с ланча, со всех сторон поступали новости о вчерашнем зверском нападении на девушку и ее исчезновении из кинотеатра. Полиция, как обычно, не разглашала подробностей, так что главными источниками информации стали подруги и одноклассники жертвы, получившие на свои телефоны сообщения с видеозаписью нападения.

Описания содержимого отличались намеренной неопределенностью, но умевшие читать между строк поняли, что видео не для слабонервных. Те подростки, у которых удалось получить интервью, пребывали в состоянии шока. Как и прочая публика, Фрейя с нетерпением ждала дополнительных сведений, движимая не болезненным желанием насладиться омерзительными деталями, а беспокойством за судьбу девушки и озабоченностью мотивом преступника.

Конечно, было бы безнадежной наивностью думать, что постичь этот самый мотив и в самом деле возможно, поскольку ничто не способно ни объяснить, ни

оправдать такую жестокость.

- Это связано как-то с нападением на девушку в кинотеатре?

- Да. - Было слышно, как на другом конце трубки перевели дух. - Не мне тебе говорить, насколько важно найти ее и схватить нападавшего. Ты не могла бы заглянуть сегодня в участок? Желательно поскорее.

Как бы ни хотелось ей этого, согласиться вот так сразу Фрейя не могла: грязный кухонный столик был завален учебниками и устлан листками со свидетельствами неудачных попыток решения математических задач, представить которые следовало в среду. Задолго до телефонного звонка она столкнулась с неопровержимым фактом, сводящимся к тому, что независимо от числа попыток результат будет одним и тем же: беспорядочное нагромождение чисел и символов, отказывающихся соотноситься друг с другом.

Решение подработать в Доме ребенка и записаться на бизнес-курсы в университете обернулось чудовищной ошибкой. Учеба не помогла ни излечиться от экзистенциального кризиса, ни улучшить жизнь. Скорее, стало только хуже.

- У меня сегодня выходной.

- Знаю. Я позвонил сначала в Комитет защиты детей, спросил, можно ли одолжить тебя, а они перенаправили меня в Дом ребенка. Директор сказала, что ты дома, но посоветовала в любом случае позвонить. И еще сказала, что выходной ты можешь взять позднее.

- В самом деле? - Фрейя даже расстроилась. Ее просьба перевести ее на неполную ставку не нашла большой поддержки у руководства. Вплоть до самого последнего времени оно, вместо того чтобы пойти навстречу, всячески препятствовало ей в координации работы и учебы. - Она так сказала?

- Да. После того как предложила нескольких других психологов. Но я сказал, что они мне не нужны, а нужна ты. В смысле, для этого дела, - поспешно добавил Хюльдар.

В душе Фрейи столкнулись противоречивые чувства. С одной стороны, было лестно, что ее предпочли другим коллегам; с другой – раздражало, что до него, похоже, так и не дошел ясно высказанный месседж: он должен перестать преследовать ее, поскольку оба они на горьком опыте убедились, что не подходят друг другу.

Впервые они встретились в ночном клубе, переспали и отлично провели время, но потом Хюльдар все испортил, сбежав поутру. На этом бы знакомству и закончиться, но их пути снова пересеклись в связи с его работой в полиции и ее в Доме ребенка. Поначалу оба испытывали неловкость, которая со временем переросла в острое раздражение. Хюльдар был просто невыносим. Постоянно давал понять, что хочет возобновить отношения, но, когда Фрейя не сразу откинулась на спину, не смог устоять перед искушением и переспал с другой.

Ничего хорошего ждать от этого человека не приходилось, это было ясно как дважды два. Жаль только, что он был чертовски привлекателен – в чисто мужском, бесцеремонно грубоватом стиле, – и к тому же хорош в постели. Но ведь этого недостаточно. Так что, как ни грустно, пришлось признать: он не тот, кто ей нужен, пусть даже и тот, кого бы она хотела.

Однако прямо сейчас его предложение давало желанный повод отвлечься от математических скорбей.

– Что мне нужно будет сделать, если приду?

– Помоги поговорить с девочками, которые знали жертву. В школе считают, что будет лучше, если не мы придем к ним, а они к нам. Родители согласие дали, но выдвинули условие: присутствие во время интервью представителя социальных служб как гарантия того, что мы не позволим себе лишнего, не переступим черту. Глупость, конечно, они же не подозреваемые... На самом деле это не более чем формальность. В общем, мне будет спокойнее иметь за компанию кого-то, кто лучше их понимает. Я ведь даже не знаю, требуется ли к тинейджерам такой же подход, как к ребятам помладше. Ну, знаешь, не могут ли вопросы ненароком повлиять на свидетельские показания и все такое. Для нас жизненно важно, чтобы ничего такого не случилось. Чем раньше мы получим представление о жизни Стеллы, тем лучше. Есть мнение, что нападавший знал ее.

- А почему ты говоришь о ней в прошедшем времени? Ее нашли? Она мертва?

- Нет, пока не нашли.

От прямого ответа Хюльдар уклонился, и Фрейя сочла это недобрым знаком.

- Могу приехать в участок через полчаса.

И тут ее взгляд упал на Молли, лежавшую рядом со своей миской. Молли делала это по привычке, хотя если бы кто-то имел глупость покуситься на ее еду, предугадать последствия не составляло труда. Мало какие собаки достигают таких размеров и представляют угрозу бо`льшую, чем Молли. Стоило вывести ее на прогулку, как владельцы четвероногих поменьше останавливались поболтать друг с другом, обрекая Фрейю на одиночество. С другой стороны, устрашающий эффект был именно тем, что и требовалось настоящему хозяину животного, брату Фрейи Бальдуру, отбывавшему срок в местах не столь отдаленных.

Молли была одним из многих обременений, доставшихся его сестре вместе с крохотной квартиркой. Но все их с лихвой перевешивали выгоды, самой важной из которых была крыша над головой. Без квартиры Бальдура ей светила бы перспектива спать на скамейке в парке: беспрецедентный туристический бум привел к хронической нехватке жилья в Рейкьявике, и никаких признаков улучшения ситуации в ближайшее время не предвиделось.

Но дата освобождения брата приближалась, а значит, скоро придется озаботиться поисками жилья. Впрочем, для решения этой проблемы еще оставалось несколько месяцев.

Собака закрыла глаза и с угрюмым видом отвернулась, по-видимому, истолковав разговор по телефону как знак того, что обещанная прогулка откладывается. С Молли Фрейя постоянно испытывала чувство вины: не выгуливает так часто, как надо бы, не кормит так, как хотелось бы... На самом деле это чувство порождалось заботой и привязанностью. Хотя отношения между ними не были идеальными, Фрейя действительно заботилась о ней.

- Точнее, через час. О'кей?

* * *

В полицейском участке девушки-подростки выглядели чем-то чужеродным. Их было пять, и они так походили друг на дружку, что Фрейя моментально забыла их имена. Длинные блондинистые волосы, голубые глаза, густо покрашенные, и неестественно черные брови. Все пять, словно сговорившись, явились в темных джинсах-скинни, белых кроссовках и коротких, по пояс, куртках практически одного и того же цвета. Все прятали руки в карманах и – завершающий штрих – обмотали свои худосочные тела с едва заметно выступающими бедрами одинаковыми шарфами.

Фрейя знала – это последний год, когда они еще балансируют на краю детства, держатся и одеваются как стая. Придет осень, они поступят в колледжи, и каждая начнет вырабатывать индивидуальный стиль. Вот только Стеллу этой стадии развития лишили. В памяти родных и друзей ей суждено остаться вечным тинейджером. Если, конечно, ее все-таки не найдут живой.

По прибытии Фрейю кратко ввели в курс дела, но почти ничего нового, сверх того, что уже появилось онлайн, не сообщили, кроме того, что полицейские считали Стеллу мертвой, а убийца попал на камеру, когда тащил тело от кинотеатра. Хюльдар попросил держать эту информацию при себе и удовольствовался ответным кивком. Они уже работали вместе в похожих обстоятельствах, и он знал, что ей можно доверять.

– Итак... – сказал Хюльдар, когда Фрейя и Гвюдлэйгюр сели по обе стороны от него, а пятерка девушек заняла места напротив, по другую сторону большого стола, сдвинув стулья так близко, словно хотели забраться на колени друг другу.

Фрейя исподтишка наблюдала за Хюльдаром. Выглядел он хорошо, намного лучше, чем при последней их встрече: темные круги под глазами почти исчезли, чисто выбрит, волосы аккуратно пострижены. К тому же в прекрасной форме. Жаль, что такой идиот... Она даже порадовалась, что успела привести себя в порядок после того, как вернулась домой, выгуляв Молли. Каково бы было сидеть неухоженной растрепой, сознавая, что он выглядит лучше? А так они могли бы составить вполне достойную пару.

– Вы все получили снэпы с телефона Стеллы прошлым вечером?

Три молча кивнули, одна сказала «да», и еще одна подняла руку, но тут же опустила, обнаружив, что оказалась в одиночестве.

– Другими словами, все. – Хюльдар подтолкнул к коллеге ручку и бумагу. – Сделаешь пометки? – Гвюдлэйгюр кивнул и написал что-то на листке. Хюльдар повернулся обратно к девушкам. – Кто из вас их посмотрел?

На этот раз такой же готовности ответить не наблюдалось. Они стали переглядываться, то ли стесняясь брать на себя инициативу, то ли молча согласовывая ответы.

– Пожалуйста, я жду. Вы их видели? – Хюльдар подался вперед, сопровождая вопрос натянутой улыбкой.

Первой ответила девушка, занимавшая средний стул.

– Да. Я видела. – Хотя она и была самой смелой из пятерки, говорила на грани шепота, словно призналась в том, что смотрела порно.

Хюльдар посмотрел на остальных.

– Ну а вы? Да или нет?

– Да, – пробормотали они одна за другой.

Девушка, ответившая первой, заговорила снова:

– Я не поняла, что это такое. Стелла всегда посылала снэпы. Знала бы, ни за что бы не смотрела.

– То есть ты посмотрела только первый? – Ответ Фрейя уже знала. Еще до интервью полицейские рассказали, что девочки просмотрели все сообщения. С ними, как с лучшими подругами Стеллы, связались в первую очередь, рассчитывая заполучить телефоны, на которых остались непросмотренные снэпы. Но было поздно, потому что первая из получивших сообщение немедленно обзвонила остальных.

– Нет. Да. То есть... Нет. – Девушка опустила глаза. – Я посмотрела все. Про первый подумала, что это какая-то шутка, и все ждала, когда же будет смешно. Потом поняла, что все серьезно, но остановиться уже не могла. Хотела узнать, чем это кончится.

– У остальных такая же история?

Четверо кивнули и скосили глаза на сидевшую посередине, которая поначалу была вожаком. Судя по тому, что в этой роли девочка чувствовала себя не очень уверенно, Фрейя решила, что заводилой была Стелла, а лучшая подруга сменила ее, потому что остальные приняли ее лидерство как нечто само собой разумеющееся.

– Всё в порядке. Вы не сделали ничего плохого. – Хюльдар откинулся на спинку стула. – Вас вызвали не потому, что вы посмотрели видео. Мы надеемся, что вы поможете нам найти того, кто сделал это с вашей подругой. Понятно?

Все закивали в унисон, и он продолжил:

– Подумайте, мог ли кто-то иметь зуб на Стеллу. – На этот раз все, даже не переглядываясь, покачали головами. – Уверены? Никакого тайного бойфренда? Может быть, парня постарше?

– Бойфренд у нее есть. И он старше. У него водительские права и все такое. – Говорила снова та, что посередине. Остальные кивали.

– Ты имеешь в виду Хёрдюра? Хёрдюра Кристоферссона?

– Не знаю. Она называет его Хёдди. Познакомиться с ним она мне не позволила, так что я видела только фотографию. И он там был только наполовину. – Девушка состроила гримасу. – Сказала, что, мол, ему не нравится фотографироваться. Может, он того... ну, знаете, не в себе. – Глаза у нее расширились. – Так это он?

– Нет. Хёдди не подозреваемый. Был ли кто-то еще? Постарше? Не обязательно бойфренд. Может быть, какой-то мужчина, проявлявший к ней интерес, посылавший сообщения?

И снова коллективное «нет».

– Если б кто-то был, Стелла сказала бы?

Девушки снова нерешительно переглянулись и опустили глаза.

– Да или нет? Она делилась с кем-то из вас личным?

– Да, со мной. – Та, что посередине, выпрямилась, и Фрейя порадовалась за себя – чутье не подвело. – Но ни о чем таком она не упоминала. Мы все очень осторожны, и от незнакомых людей на «Фейсбуке» запросы в друзья не принимаем. Они все педики. Стелла это знала. Если б ее кто-то преследовал, она бы сказала мне. Точно.

– Ты уверена? Она ведь не стала знакомить тебя со своим бойфрендом. Так, может быть, и о чем-то еще не говорила? – холодно сказал Хюльдар.

Девушка бросила на него сердитый взгляд, на мгновение показав, какой она может стать в будущем.

– Стелла собиралась познакомить меня с Хёдди. Но, знаете, ей было некогда. Она ведь работала. В киношке.

– Ну ладно. Я просмотрел компьютер Стеллы. – Глаза девушек расширились, и они, казалось, перестали дышать. Выражение на лице лидерши сменилось с раздраженного на встревоженное. Фрейя толкнула Хюльдара под столом – на случай, если он пропустил реакцию. Она знала по опыту, что интерпретация чувств других людей – не его сильная сторона. – И что, как вы думаете, я там нашел? – Подруги, словно потеряв дар речи, смотрели на него округлившимися глазами. Он улыбнулся. – Ничего. – Все выдохнули и расслабились. – По крайней мере, ничего интересного. Незаконченные домашние задания. Куча фотографий, в основном селфи. Незаконно скачанные фильмы и музыка. У вас ведь примерно то же самое, да?

Девочки виновато покраснели и поочередно пробормотали «нет».

– Хорошо. – Хюльдар пробежался по их лицам цепким взглядом. – Но, судя по вашей реакции, придется посмотреть еще раз. Есть у меня такое чувство, что я что-то пропустил. Может, подскажите, что стоит поискать? Или выложите всё как есть?

Школьницы настороженно молчали. Поняв, что сейчас они не откроются, детектив сменил тактику и принялся бомбардировать их вопросами о Стелле: каким человеком она была, что ей нравилось, а что не нравилось, чем она занималась после уроков, кого еще можно назвать ее друзьями...

Постепенно языки начали развязываться, но ничего интересного в ответах не проявилось. Стелла представлялась ничем не примечательной, довольно скучной, хотя и популярной девчонкой, интересовавшейся поп-музыкой, знаменитостями, мальчиками, макияжем и модой.

Чем больше рассказывали подружки, тем больше Фрейя склонялась к мысли, что Стелла была немного легкомысленна; но допускала, что несправедлива в своем суждении. Возможно, со временем девушка расцвела бы и превратилась в личность более содержательную.

Когда описания стали повторяться, Хюльдар спросил насчет уик-энда и уточнил, когда и где они видели Стеллу в последний раз. Оказалось, что никто не видел ее после того, как они попрощались после школы в пятницу. Девушка в середине разговаривала с ней по телефону и онлайн, но встретиться Стелла не смогла, потому что работала и в пятницу вечером, и в субботу, и в воскресенье. Также Стелла жаловалась на плохие волосы, из-за которых не захотела идти куда-либо в субботу вечером. Никакого интереса для полиции все эти детали не представляли.

Примерно через час после того, как все вошли в допросную, Хюльдар подвел интервью к концу. Девушки заметно оживились, застегнули куртки, сунули руки в карманы и поспешили к выходу.

Подойдя к окну, Хюльдар, Гвюдлэйгюр и Фрейя увидели, как они вышли из участка, собрались кучкой и несколько минут горячо о чем-то спорили. Потом повернулись, и одна из них взглянула на здание. Фрейя и Гвюдлэйгюр отшатнулись от окна, но Хюльдар остался на месте и помахал рукой с холодной улыбкой на губах.

– Ну, что думаете? – спросил он, поворачиваясь к коллегам. – Что они скрывают?

Фрейя покачала головой:

– Кто знает... Может быть, не хотят говорить о тайном бойфренде. Стоит рассмотреть и такой вариант, что Стелла занималась сексом за деньги. Такое порой случается. Судя по их реакции, это что-то плохое, но, возможно, оно только кажется им страшным, а на самом деле весьма невинно, принимая во внимание, насколько серьезно это дело. Но вообще-то меня поразило другое.

– Что? – Хюльдар посмотрел на нее.

– Почти двадцать четыре часа назад стало известно, что с их подругой случилось что-то ужасное, однако непохоже, чтобы они так уж сильно горевали. Я не увидела ни заплаканных глаз, ни припухлых щек, как бывает, когда люди плачут.

Глава 4

Глоток кофе помог почувствовать себя немного лучше. Фрейя пробовала кофе и хуже, хотя нарисованный баристой лист на молочной пене напоминал возникшее в представлении ребенка рождественское дерево без единой иголки. Кофе было не из тех, что она обычно посещала, но после полицейского участка организму остро требовалась бодрящая доза кофеина.

После того как девушки ушли, Хюльдар показал снэпы и запись с камер наблюдения, от которой Фрейю едва не стошнило. Теперь она поняла, почему он говорил о Стелле в прошедшем времени, но помочь с пониманием мотивов преступника, исходя из его поступков, она не могла. Получилось лишь констатировать очевидное: полиция имеет дело со склонным к насилию безумцем. А к такому выводу Хюльдар вполне мог прийти и сам.

Настроения не прибавила и встреча с Эртлой на выходе из участка. Наткнувшись на такой взгляд, люди невольно прибавляют шагу, но Фрейя отреагировала с расчетливой беззаботностью: улыбнулась и дружелюбно поздоровалась. Тактика

произвела желаемый эффект. Эртла потемнела от злости и так резко окликнула Хюльдара, что Фрейя даже пожалела детектива. От этой короткой стычки остался неприятный привкус во рту, но она по крайней мере ощущалась как небольшая победа в их недостойном взрослых людей состязании. С чего оно началось, все еще оставалось загадкой.

При первой же встрече Эртла прониклась к ней неприязнью, и Фрейя ответила тем же. Удивительно, что два человека, раздражавшие ее больше всего, работали в одном и том же месте. Если подумать логически, Эртла и Хюльдар оказались в одной постели не случайно. Если у них родится ребенок, она не будет делать на него ставку.

Будь Фрейя честна с собой, она признала бы, что жажда кофе вызвана не только стычкой с Эртлой или жуткими видео: интервью с девушками разбудило призраков ее собственного прошлого. Глядя на чашку, она не сразу поняла, что та уже пуста. Запрокинув голову, Фрейя сумела выпить еще несколько капель. Вкус кофе был вкусом взросления и напоминал, что номинально она контролирует свою жизнь и, что бы ни случилось, никогда уже не будет ребенком.

Блюдце звякнуло под поставленной на него чашкой. Фрейя не любила останавливаться на прошлом. Ничего хорошего из этого не получалось. Богобоязненные предки по линии матери придерживались религиозного воспитания, так что детство не оставило счастливых воспоминаний, за исключением тех немногих, которые они с братом делили на двоих.

Особенно трудными были подростковые годы. Дело было даже не в нехватке денег, а в жестких старомодных взглядах, проповедуемых бабушкой и дедушкой. Заповеди, в соответствии с которыми надлежало жить им с Бальдуrom, мало чем отличались от тех, которые внушались отпрыскам Моисея. Да, их не принуждали носить рясу и сандалии, но ее наряды всегда отличались от того, во что одевались остальные ребята. Другими были даже завтраки, которые ей собирали в школу.

Ей не позволялось играть в такие же, как у других, игрушки, иметь такую же, как у других, одежду, заниматься тем, чем занимались другие. Неудивительно, что она плохо вписывалась в любую компанию и не имела навыков общения в коллективе. С другой стороны, у нее была прекрасная возможность наблюдать за такими группками, как подружки Стеллы, со стороны. Она могла установить и

лидершу «стаи», и ее правую руку, и ту, которой грозило изгнание, живущую в постоянном страхе, боясь сказать или сделать что-то не так и оказаться за дверью.

И теперь она с легкостью узнала ее, ту, которую приняли для счета, которая смеялась где нужно и не упускала возможности польстить королеве. Вот только к ответу на вопрос, что они скрывают, это не приблизило ни на шаг.

Официант забрал чашку и спросил, принести ли еще. Фрейя легко проглотила бы еще несколько, но вместо этого поблагодарила его и попросила счет.

Кафе было переполнено, и единственное свободное место удалось отыскать в дальнем углу. Пробираясь к выходу между столиками, она невольно отметила, что большинство посетителей – иностранные туристы. Повсюду лежали карты и путеводители, на спинках стульев висели рюкзаки, а сами клиенты были намного лучше экипированы для исландской погоды, чем обычные исландцы. Фрейя прибавила шагу, опасаясь, как бы ее не спросили, из какой она страны, не пригласили сфотографироваться или, не приведи господь, не стали уговаривать исполнить знаменитый клич исландских футбольных фанатов.

Небо было того же беспросветно-серого цвета, что и раньше, когда она только прибыла в участок, но ведь и времени прошло не так уж много. Фрейя поплотнее запахнула куртку, пожалев, что у нее нет шарфа, например такого, как у девочек. Шарф не помешал бы и в машине: печка сломалась еще несколько дней назад, а тащиться в мастерскую в третий раз было бы напрасной тратой денег.

Она уже выходила из кафе, когда зазвонил телефон. Начальница сообщала, что они намерены разрешить полиции пользоваться ее услугами в ближайшие несколько дней. От удивления Фрейя даже остановилась. Директриса же добавила, что до конца недели на работу можно не приходиться. Полиции требуется детский психолог, поскольку они работают с несовершеннолетними в связи с недавним похищением, и, так как она уже присутствовала на одной из бесед, выбор очевиден. Информация слишком деликатна, чтобы делиться ею с кем-либо еще.

Ну конечно, так она и поверила. Из всей этой истории торчали знакомые уши. Фрейя попыталась отговориться, ссылаясь на курсовую работу и лекции, но разговор закончился тем, что ей было предложено считать себя

командированной и находиться в состоянии готовности до конца недели.

Впрочем, к тому моменту как она дошла до своей машины, злость практически испарилась. Принимая во внимание все обстоятельства, результат мог быть гораздо хуже. На занятиях можно сидеть с включенным телефоном на случай вызова, а в свободное время сосредоточиться на учебе. В Доме ребенка это было невозможно, ибо работа требовала безраздельного внимания. Возможно, теперь даже получится отвоевать сданные позиции и разобраться с математическими головоломками.

Но не успела Фрейя сформулировать свои намерения и планы, как все они были бесцеремонно растоптаны. Снова зазвонил телефон, и теперь уже Хюльдар, даже не пытаясь скрыть удовлетворение, пожелал знать, где она находится. Расследование снова требовало ее присутствия.

* * *

Подростки сбились в кучку на самых дальних рядах актового зала, словно ожидая, что со сцены по ним могут ударить из огнемета. В этом отношении со времен Фрейи ничего не изменилось. Принцип тот же: сесть как можно дальше от взрослых. Впереди разместились лишь несколько учителей и четверо учеников. Два мальчика – один, страдающий ожирением, второй такой худенький, будто оказался здесь случайно, забредя по ошибке из начальной школы. Две девочки, выглядящие совершенно заурядно, с темными, стянутыми в хвост волосами.

Все четверо сидели понуро, словно игроки, забившие гол в свои ворота в финале кубка, смотрели исключительно себе под ноги и, похоже, едва смели дышать. Фрейя знала эту позу: она сама не решалась сидеть с поднятой головой, пока не пошла в колледж. Удивительно, что у нее не развилась сутулость.

– Наблюдай за детьми, – прошептал Хюльдар, наклонившись к ней. – заметишь что-то интересное, толкни меня, и мы переключимся на кого нужно.

Фрейя кивнула, пробегая взглядом по собравшимся тинейджерам. Она, Хюльдар и Гвюдлэйгюр стояли у боковой стены зала. Пока Фрейя добиралась до управления, эти двое переоделись в форму, чтобы подчеркнуть важность и

серьезность происходящего. Все взгляды были прикованы к полицейским. Главным образом – удивленные. Никто не замирал, не прятал глаза, не отворачивался. Впрочем, то, что преступник находится среди школьников, представлялось в высшей степени маловероятным: на основании видеозаписей можно было сделать вывод, что искать следует взрослого мужчину, а не нескладного подростка.

Директриса постучала по микрофону. Ее вступительные слова утонули в оглушающем визге. Слегка отодвинувшись, она начала снова, мрачным голосом сообщив учащимся то, что все уже знали: они собрались здесь обсудить случившееся со Стеллой. Далее последовали благодарности тем, кто пришел во внеурочное время, и ученическому комитету за самую идею мероприятия.

Отвернувшись от сцены, Фрейя наблюдала за реакцией сидящих в зале. Большинство ребят сидело, подавшись вперед, стараясь не пропустить ни слова. Лишь у одного или двоих на коленях светился голубым экран телефона.

– Мы знаем, что многие, возможно большинство из вас, получили с телефона Стеллы сообщения, которые, как полагает полиция, были записаны и посланы нападавшим. Многие из вас видели их, частично или полностью. Теперь с этим уже ничего не поделаешь, но я настоятельно прошу тех, кто еще не смотрел, не делать этого. Смотреть эти сообщения, уже зная их содержание, значит идти у преступника на поводу. Лучше от этого не станет. Хочу напомнить всем – и кто видел сообщения, и кто не видел, – что они не от самой Стеллы. Они не имеют никакого отношения к той Стелле, которую мы знаем, которая будет в наших мыслях в грядущие дни, так что давайте помнить ее как нашего школьного друга. Не храните в себе то, что вы увидели в этих сообщениях. У полиции есть эти записи, так что, просматривая их, расследованию вы не помогаете.

Это было не совсем так. Фрейя знала, что Хюльдар хочет спросить у ребят, не заметили ли они в записях что-то знакомое. И вот теперь, после слов директрисы, детектив состроил недовольную гримасу. Заметила ее не только Фрейя. Как только директриса упомянула полицию, учащиеся машинально посмотрели на него и Гвюдлэйгюра.

– Мне известно, что к некоторым из вас уже обращались журналисты. Ваши классные руководители говорили об этом, но я подчеркну еще раз: вам нельзя общаться с прессой. Если у вас есть что-то, что может иметь отношение к расследованию, расскажите полиции. Но ни в коем случае не репортеру. Это

ясно?

- Да, - последовал нестройный ответ. Чем обернется обещание на практике - другое дело. Дети всего лишь дети, а опытные журналисты - эксперты по выманиванию информации. Хотя зачем им теперь стараться? Все, что нужно, они уже получили: мрачные детали записей и рассказы подростков были размещены на всех новостных сайтах.

Какая-то девочка на заднем ряду подняла руку и помахала, привлекая внимание директрисы, которой это вмешательство определенно не понравилось.

- Полиция забрала у меня телефон. И у Бьёрг тоже. Когда нам их вернут? Без телефона не жизнь, а кошмар. Это ведь незаконно, разве нет?

Директриса взглянула на Хюльдара и Гвюдлэйгюра.

- Вопрос к полиции. Но лично я считаю, что дольше, чем нужно, их не задержат. Возможно, тебе и Бьёрг это и доставляет неудобство, но изъятие телефона не всегда противозаконно.

Задававшая вопрос с угрюмым видом откинулась на спинку стула. Директриса перечислила достоинства и добродетели Стеллы, особо отметив несправедливость случившегося. Напомнив о необходимости постоянно думать о собственной безопасности и присматривать друг за дружкой, женщина выразила надежду на то, что бедняжку найдут живой и здоровой.

Едва она произнесла это, как одна из девочек в переднем ряду подняла голову и впервые посмотрела на сцену. Выражение на ее лице свидетельствовало о том, что жизнь и здоровье пропавшей не значат для нее ничего. В следующий момент девочка снова опустила голову. На ее губах играла затаенная улыбка, и это не ускользнуло от внимания Фрейи. Толкнув локтем Хюльдара, она незаметно показала на школьницу, но сделать что-либо он не успел, поскольку в этот момент директриса представила его собравшимся.

Пока детектив шел к сцене, в зале началось непонятное волнение. Ребята подталкивали друг друга, тут и там вспыхивали телефоны, и вот уже волнение охватило всех, за исключением четверки в переднем ряду.

Хюльдар, похоже, понял, что потерял внимание аудитории. Стоя на сцене, он терпеливо ждал. Наконец какой-то паренек неуверенно поднял руку, словно не зная, стоит ли ему говорить. Хюльдар кивнул.

– Э... мы только что получили снэп. – Мальчик поднял телефон, повернув его экраном в сторону детектива, как будто тот мог увидеть что-то с другой стороны зала. – От Стеллы.

В первый момент у Фрейи вопреки всем фактам мелькнула мысль, что Стелла жива. И она была не одинока – волна надежды и облегчения охватила многих. Но не всех. Девушка, уже привлекая ее внимание, тайком оглянулась.

Ошибки быть не могло: в брошенном через плечо взгляде мелькнуло разочарование.

Глава 5

Сама ее манера идти была знакомой. Глаза опущены, рука на груди прижимает куртку, шаги быстрые и широкие, почти что бег. Все подчинено одной цели: поскорее скрыться, не привлекая внимания. Меня здесь нет.

Фрейя сама так ходила, когда была подростком. Если б кто-то попросил описать школьные коридоры, она пришла бы в замешательство, потому что ходила глядя вниз, под ноги. Вот пол, наверное бы, вспомнила.

Тому, кто пришил к доске объявлений самодельный постер с предложением помощи жертвам буллинга, стоило бы поместить его на пол. Впрочем, одна полоска с номером телефона была оторвана. Вероятно, кто-то все-таки поднял глаза и успел пробежать глазами по афише.

Не проецируй свой личный опыт на другого, напомнила себе Фрейя. Такая сдержанная, скрытная манера могла объясняться и другими причинами. Может быть, девушка – интроверт или страдает от депрессии. Может быть, у нее синдром Аспергера или какой-то другой, родственной ему. Фрейя не сомневалась, что скоро узнает об этом, если только сумеет догнать. Двое

парнишек остановились посмотреть что-то на телефоне, и она едва не врезалась в них. Уклонившись от столкновения, продолжила погоню, но расстояние между ней и преследуемой увеличилось. Жаль, что Хюльдара и Гвюдлэйгюра так срочно отозвали – перед ними дети расступались сами, не дожидаясь, пока попросят. Для нее их компания тоже была бы сейчас не лишней: всё окружающее угнетало и действовало на нервы, напоминая собственную школу.

Вообще-то было бы правильно начинать день с вознесения благодарности небесам за то, что бремя подростковых лет осталось наконец позади. Обычно Фрейя старалась не вспоминать былые невзгоды, но сегодня прошлое само напомнило о них – отчасти вот этим самым делом, отчасти имейлом от бывшего одноклассника – одного из самых противных, – сообщившего о встрече выпускников. Этот имейл Фрейя проигнорировала, удивляясь той легкости, с которой они забыли, как третировали ее когда-то. Но, возможно, задирам все помнится иначе. И вообще, кому какое дело до того, что у них в голове? Со своей стороны она пожелала бы им засунуть эти приглашения туда, где не светит солнце.

Фрейя пережила свои школьные годы и сделала все возможное, чтобы оставить их позади, но не могла не беспокоиться о своей племяннице, Саге. Дети, как чайки, слетаются на тех, кто не такой, как они. Все, что нужно сделать – это пометить красной краской одну птаху, чтобы остальная стая переключилась на нее. И хотя Фрейя любила малышку больше жизни, любовь не была слепой: она с мучительной ясностью сознавала, что Сага в стаю не впишется. Во многих отношениях – внешность, характер, семейные обстоятельства – девочка была слишком странная.

Мало того, что на ее личике постоянно присутствовало недовольное выражение, она также не проявляла ни малейшего стремления учиться говорить. Давно расставшись с надеждой на то, что со временем Сага вырастет из своей угрюмости, Фрейя продолжала считать, что все может измениться, если ее отец будет больше времени проводить дома, чем в тюрьме.

Однако для этого Бальдуру надлежало сделать над собой усилие и повернуться спиной к преступной жизни. Сделать это ради себя он не смог, но теперь на нем лежали обязательства перед дочерью. И если брат не поймет это сам, придется объяснить ему кое-какие истины в самых недвусмысленных выражениях. Он ведь не захочет, чтобы Сага выросла такой, как вот эта бедняжка, догнать которую пыталась Фрейя: тень нормальной девочки, терпящая издевательства и

насмешки одноклассников. Сага, малышка с угрюмым личиком, дочь заключенного. С такими исходными данными беды не миновать.

– Извини! Можно тебя на минутку? – Фрейя прибавила шагу. Зов остался без ответа – девушка то ли слишком глубоко погрузилась в свои мысли, то ли подумала, что обращаются не к ней. – Эй! – Приходилось то и дело обходить других детей, не упуская из вида цель. Большинство из них шли группками или парами, оживленно обсуждая случившееся на собрании. Оказаться в центре большого события – такая возможность выпадает не каждый день.

– Извините... извините... – Фрейя вежливо отстранила пару подростков, за что удостоилась неприязненных взглядов тех, кто полагает, что мир создан исключительно для них. Наконец ей удалось схватить девушку за плечо. Ощувив под тонкой тканью поношенного пальто хрупкие кости, она ослабила хватку, чтобы ненароком не сделать больно. Девушка испуганно, словно ожидая удара, оглянулась. Фрейя убрала руку и улыбнулась. – Прости, можно тебя на минутку? – Они стояли посреди коридора, и проходившие мимо школьники поглядывали на них и перешептывались. – Надо найти местечко потише. Я тебя не задержу.

Девушка открыла было рот, но возражать не стала и позволила отвести себя в сторонку. Скорее всего решила, что с незнакомкой лучше поговорить один на один, чем на глазах у всех.

Они вошли в первую попавшуюся дверь, за которой обнаружилась классная комната, заполненная столами и стульями. Доску забыли вытереть, и на ней остались нерешенные уравнения, увидев которые Фрейя почувствовала укол вины – ее домашнее задание все еще ждало на кухонном столе. Девушка выбрала самый крепкий предмет мебели в классе – учительский стол – и, встав за ним, мельком взглянула на Фрейю, а потом привычно уставилась себе под ноги.

– Ты, возможно, не заметила меня на собрании. Меня зовут Фрейя, и я помогаю полиции. Я – психолог. Точнее, детский психолог. – Последнее уточнение оказалось лишним. Девушка, даже подвергшаяся социальной изоляции, явно разделяла заблуждение своих сверстников, которые считали себя почти что взрослыми. – Не против, если я спрошу, как тебя зовут?

- Адальхейдюр. - Теперь, когда они остались одни и девушка поняла, что никакие неприятные сюрпризы ей не грозят, она успокоилась и уже не казалась чересчур застенчивой. Назвав себя, Адальхейдюр посмотрела в глаза Фрейе, которая впервые получила возможность рассмотреть ее без помех. В отличие от девочек, приходивших в полицейский участок, она совсем не пользовалась косметикой, даже тушью, из-за чего выглядела свежее и невиннее. А вот опущенные плечи и безжизненные, мышиного цвета волосы выдавали незавидное положение в школьном обществе.

- Привет, Адальхейдюр. - Фрейя улыбнулась. - Давай сядем, хорошо? - Девушка покачала головой. - О'кей, никаких проблем. Много времени это не займет.

- Что? Что не должно занять много времени? - Адальхейдюр взглянула на дверь. - Почему вы хотите со мной разговаривать?

- Мне нужно задать несколько вопросов о Стелле. Нам пока не удастся составить полное представление о ней. - Фрейя едва успела остановиться и не соскочить на прошедшее время. Одноклассники Стеллы всё еще полагали, что она жива. - Полиция разговаривала с ее родителями, друзьями и учителями. И еще с девочками, которые работают с ней в кинотеатре. Все рисуют одну и ту же картину: милая девушка, популярная, веселая. Зацепиться особенно не за что. На собрании ты привлекла мое внимание, вот я и подумала, что ты, может быть, расскажешь о ней больше... то, чего другие не видят или не хотят признавать.

Девушка фыркнула.

- То, о чем мы здесь говорим, никто больше не узнает.

Адальхейдюр задумчиво посмотрела на Фрейю, но выражение ее лица не изменилось.

- Вообще-то я и не знаю ее толком. Вам лучше поговорить с кем-то другим.

- Правда? Вы не знаете друг друга?

- Нет.

- Но вы же в одном классе, не так ли?

Адальхейдюр поджала губы.

- Так да или нет?

Секунду-другую девочка упрямо молчала, потом неохотно кивнула:

- Да. Но я с ней не вожусь. Мы не подруги. Она сидит сзади, я впереди. Поговорите с кем-нибудь другим, с кем-то, кто с ней зависает.

Фрейя пропустила совет мимо ушей.

- Мне показалось, ты улыбнулась, когда директриса заговорила о Стелле. Я права?

Адальхейдюр пожала плечами, но Фрейя не отступала:

- Вы враги?

Девушка снова опустила глаза, а Фрейя обратила внимание на пальцы, вцепившиеся в полы пальто на груди. Ногти на них были обкусаны до мяса.

- Я же сказала, она мне не подруга.

- Не быть подругами - одно, быть врагами - совсем другое. Так что у вас?

Адальхейдюр снова посмотрела на Фрейю, и в ее глазах наконец-то блеснула искра жизни.

- Мы враги, ясно? Вам это поможет в расследовании?

- Посмотрим, - спокойно сказала Фрейя и взяла небольшую паузу, чтобы девушка могла оправиться от вспышки злости. - Так ты не согласна с мнением ее подруг, что Стелла человек милый и приятный?

– Нет. – Коротко, резко, без колебаний.

– Как, по-твоему, она может быть замешана в чем-то таком, что объяснило бы случившееся? Например, общается ли с кем-то постарше? – Фрейя нарочно использовала слова подлиннее. Разговаривая с упрямыми детьми или трудными подростками, полезно иногда смутить их или сбить с толку. – Может быть, она вовлечена...

– Вовлечена? – Адальхейдюр нахмурилась. – Это вы про что?

– Она путается с парнями и девушками постарше? С какими-нибудь сомнительными типами?

– Не знаю. Понятия не имею, с кем она путается.

Фрейя улыбнулась.

– Я так и думала, что не знаешь. Но скажи мне вот что: как вышло, что вы стали врагами? Она вроде бы всем нравится. Что-то тебе сделала? Чем-то насолила? Или наоборот? – Адальхейдюр не ответила. – Послушай, я обещаю, что дальше меня это не пойдет. Но если ты знаешь что-то такое, о чем утаивают или чего не признают остальные, то этим сможешь найти Стеллу или того, кто напал на нее. От той идеальной картины, которую нам рисуют, толку мало. От твоего мнения пользы, возможно, тоже не будет, но нам хотелось бы его узнать.

– Хотелось бы узнать? – Лицо девушки снова потемнело от злости. – Серьезно? – Она оперлась руками о стол и подалась вперед, словно сокращая расстояние между ними. – Такие, как вы, всегда это говорят, но только их слова ничего не значат. На самом деле никто ничего слушать не хочет. – В ее глазах блеснули слезы. – В школе знают, что эта дрянь и ее подруги сделали со мной. Но все равно хотят заставить меня сделать вид, будто я сожалею, что она пропала. Притащили на это дурацкое собрание. Чтобы я слушала всякую чушь насчет психологического консультирования и что мы все думаем о Стелле. Ну да. Я им говорила и говорила, но они и слушать не желали. И вы не станете.

– Рассказывай. Обещаю, что выслушаю.

Адальхейдюр вздохнула и пожала плечами, но поверила. И Фрейя, старательно сохраняя бесстрастное выражение лица, выслушала предложенную школьницей историю. Историю, ничем особенным не отличающуюся от множества других историй современного буллинга. Историю ужасную, жестокую и унижительную, рассказанную полным горечи голосом.

Не раз и не два рассказчица обращалась к школьной администрации с просьбой вмешаться, однако их слабая, невнятная реакция не только не способствовала изменению ситуации к лучшему, но, наоборот, усугубила ее. Надев маску невинности, Стелла все отрицала и даже, пустив слезу, повернула обвинения против самой Адальхейдюр. И позже жестоко отомстила. Попытки родителей вмешаться также успеха не принесли. Каждый раз, когда они старались остановить издевательства, дела шли еще хуже.

На «Фейсбуке» появилась страница ненависти, которая была закрыта после поданной жалобы, но тут же открылась под новым названием с еще более гнусным содержанием. Это было все равно что пытаться тушить пожар с помощью жидкости для зажигалок. Адальхейдюр перестала жаловаться. Она просто держалась тише воды, ниже травы, обходила стороной социальные сети и проводила время, отсчитывая дни, пока не станет достаточно взрослой, чтобы уехать из страны.

Выслушав ее рассказ, Фрейя задумалась. Есть люди, которые, попав в подобную ситуацию, цепляются за здравомыслие, открыв в себе некую внутреннюю силу, помогающую пройти через испытания, не пострадав. Другим повезло меньше. Горечь и боль, подобные тем, которые лелеяла в себе Адальхейдюр, они несли с собой во взрослую жизнь. Фрейя и сама застряла где-то между двумя этими крайностями. Она ничего не могла сказать, никак не могла донести до девушки, что лучшие времена не за горами.

Чтобы добиться реального результата, нужны регулярные сеансы на протяжении довольно длительного времени. Сказать, что скоро все уладится само собой, было бы пустой банальностью. Разговор о будущем не утешает, когда сердце и душу терзает настоящее.

Особенно это было верно в отношении тинейджеров, для которых будущее – то, что случится на следующей неделе. Само по себе к лучшему ничто не меняется. Некоторые люди – вечные жертвы, вызывающие у братьев и сестер по разуму проявления самых первобытных инстинктов. И рабочий коллектив – такая же

питательная среда для буллинга, как и любая школа, разве что работу можно сменить.

Несмотря на все это, Фрейя решила поделиться с Адальхейдюр своим опытом в надежде, что ее откровения принесут бедняжке хотя бы временное облегчение от страданий.

– Знаешь, я пережила нечто подобное в школе, хотя и не до такой степени. В моем случае все изменилось к лучшему, как только я пошла в колледж. Новое окружение, новые ребята... Возможно, у тебя будет то же самое.

Фрейя умолчала о том, что не все было так просто. Ей приходилось подрабатывать по субботам, чтобы купить красивую одежду, телефон и компьютер. А еще было зеркало, которое она повесила под навесом для велосипедов, относящимся к многоэтажке, в которой жила со своей родней. Это позволяло наложить макияж и не получить клеймо вавилонской блудницы.

Адальхейдюр снова фыркнула и с вызовом посмотрела на Фрейю, сжав губы в тонкую линию.

– Только не думайте, что я помогу вам поймать его, – заявила она, подняв голову и распрямляя плечи. – Держу пари, Стелла показала свое истинное лицо и кто-то наконец это заметил.

Эмоциональной вспышки следовало ожидать, поэтому Фрейя никак не отреагировала, просто продолжила спокойным голосом:

– Одно могу сказать. Пусть сейчас ты в это не веришь, но рано или поздно твое отношение изменится. Я не знаю, что именно сделала тебе Стелла, но ничто не оправдывает того, что случилось с ней. Легко выдумывать всякое, когда ты огорчена или расстроена. Но со временем ты смягчишься. Такова человеческая натура. Надеюсь, не за горами тот день, когда Стелла и ее подруги перестанут иметь для тебя какое-либо значение. Думай об этом и не позволяй себе увязнуть в ненависти к ним или к себе. Кто знает, может быть, и переносить нынешнюю ситуацию станет легче.

– Я не собираюсь ничего менять или улучшать. – Голос девушки дрожал от ярости. – Просто говорю правду, как есть. И вообще мне пора. Меня папа ждет, а

вам я уже все сказала.

Задерживать ее не имело смысла. Адалъхейдюр описала другую сторону Стеллы, отличную от той, про которую рассказывали полиции. Стелла была не просто милой, пользующейся популярностью девочкой; она, как оказалось, отличалась поразительной жестокостью и полным пренебрежением к чувствам других людей. Иными словами, она была человеком двуличным, как и многие. Конечно, подогнать массу составляющих индивидуальность несообразностей и противоречий под одно определение и повесить на них один ярлык так же невозможно, как написать картину одним мазком. Но что же все-таки связывает историю Адалъхейдюр и нападение на Стеллу?

Известно, что жертвы буллинга редко обращаются к мести. К тому же тщедушная и худенькая Адалъхейдюр не имела ничего общего с человеком на записи с камер наблюдения. Но у нее наверняка могли быть родственники-мужчины, крепкие и сильные. Например, отец. Может быть, ему осточертело смотреть на то, как третируют его дочь? Вариант отнюдь не невероятный.

– Конечно, ты можешь идти. Но с тобой, скорее всего, еще свяжутся. Полиция пожелает сама услышать то, что ты можешь сказать. У тебя есть телефон? – Абсурдный вопрос. Все равно что спросить, есть ли у нее голова. В Исландии не нашлось бы подростка без мобильного телефона.

Адалъхейдюр продиктовала номер и направилась к двери, сгорбив плечи и опустив голову, совсем как во время недавнего преследования по коридору. Уже у самого порога она остановилась, оглянулась и сказала так тихо, что Фрейя едва ее расслышала:

– Надеюсь, Стелла мертва.

И с гордым видом вышла.

Дверь захлопнулась, и Фрейя осталась одна в пустом классе, перед доской, исписанной уравнениями. Затем, вспомнив об отце девушки, поспешила следом, желая взглянуть на него.

Адалъхейдюр ее не заметила. Достигнув главного выхода, она прошла через стеклянные двери и едва ли не бегом устремилась к припаркованной

неподалеку машине. За рулем, глядя прямо перед собой, сидел средних лет мужчина с каменным лицом. Смягчилось ли оно, когда он повернулся к подошедшей дочери, Фрейя не видела, а его затылок никакой информации передать не смог. Но когда мужчина снова повернулся вперед, черты его выражали ту же непреклонную суровость.

Машина сорвалась с места, и Фрейя, выйдя наружу, успела заметить, как три школьника отпрыгнули в сторону, едва не попав под колеса. Отец Адальхейдюр даже не притормозил. Похоже, в этой семье оправданное, но, несомненно, разрушительное ощущение горечи и злобы коснулось не только дочери.

Глава 6

Мигающие синие огни освещали снег за домом, отчего сцена казалась почти рождественской, хотя ничего особенно праздничного в ней не было. Патрульные машины выстроились одна за другой перед унылым одноэтажным домишком с террасой. Полицейские окружили участок. За всем происходящим внимательно наблюдали соседи, высыпавшие на пороги своих домов; одна пара даже прихватила чашку с попкорном.

Пытаясь согреться, Хюльдар топтался на месте и дышал на озябшие пальцы. Теплое дыхание проходило между ними и улетало белыми клубочками пара. Переодеться после посещения школы он не успел, и его полицейская форма одеревенела от холода. Детектив многое бы отдал, чтобы войти внутрь, но шансы на то, что это случится в ближайшее время, равнялись нулю. Кто пойдет разговаривать с ошеломленными жильцами, а кто останется снаружи на холоде, решала Эртла, и, разумеется, он в список счастливицов не попал. Отношения между ними только ухудшились после того, как Хюльдар, не испросив разрешения, привлек к расследованию Фрейю. Босс устроила ему выволочку, проигнорировав все протесты и напоминания – выдвинутые школой требования и занятость самой Эртлы с родителями Стеллы.

Ситуация испортилась еще сильнее после того, как администрация школы попросила, чтобы представитель соцслужб – желательно детский психолог – постоянно присутствовал при разговорах полиции с учащимися. Стороны достигли договоренности, в результате чего Фрейя стала фактически членом

команды, что вызвало у Эртлы еще большее раздражение. Похоже, она решила, что все это дело рук Хюльдара, хотя ему для осуществления столь сложного плана элементарно не достало бы хитрости. Он просто ввел мяч в игру.

Хюльдар достал сигарету и затолкал мятую пачку обратно в карман. Как всегда, после первой затяжки стало как будто чуточку теплее. Интересно, почему так? Наверное, если б он задал этот вопрос вслух, стоящий рядом Гвюдлэйгюр полез бы искать ответ в интернете. Вот только ответ, скорее всего, Хюльдару не понравился бы: интернет никогда не находил что-то позитивное насчет курения. Кроме того, Гвюдлэйгюр в данный момент был занят созерцанием стройных форм молодой женщины из криминалистического отдела, склонившейся вместе с коллегой над отпечатками на снегу. Предполагалось, что их оставил некто, просунувший телефон Стеллы в почтовый ящик. Хюльдар кивком указал на женщину-криминалиста:

– Полагаешь, она занята?

– Откуда ж мне знать? – Гвюдлэйгюр удивленно моргнул. – Почему бы тебе не спросить у нее?

– Думаю, она бы тебе подошла. Ей такие, как ты, нравятся. – Хюльдар снова затянулся и осторожно, чтобы дым не попал напарнику в лицо, выдохнул. – Парни моего типа не особенно дружелюбные; такому, как я, она улыбаться не стала бы. Меня тянет к женщинам сварливым, придирчивым. Или угрюмым. – Он умолчал о том, что сварливость и угрюмость обычно проявляются не сразу, а по прошествии какого-то времени. А начать следовало бы с того, что все женщины улыбаются. Или по крайней мере большинство. Хотя, конечно, привести домой строптивицу было бы забавно... – Ну так что? Хочешь, я вас познакомлю?

– Э... нет, спасибо. – Гвюдлэйгюр попытался вдохнуть немного тепла в онемевшие пальцы. Если б его щеки не были красными от холода, он, без сомнения, покраснел бы от смущения. – Она не в моем вкусе. В любом случае познакомиться я могу и без твоей помощи.

Последнее заявление Хюльдар комментировать не стал. Он хорошо знал, что робость парня переходит все границы. Несколько раз они вместе выбирались в город прошвырнуться по барам, но Гвюдлэйгюр так и не набрался смелости проявить бо`льшую активность. Даже при явном внимании к нему со стороны

прекрасного пола.

Но навязывать свое мнение Хюльдар не собирался: не хочет – не надо. Когда дело касалось отношений, его советов лучше было избегать.

– Сбросив здесь телефон, он посылает нам какой-то сигнал? – спросил напарник, очевидно пытаясь сменить тему. Они уже обменивались мнениями по этому вопросу, но так и не пришли к определенному заключению.

– Понятия не имею. Но начинаю думать, что место выбрано не случайно. Может, он проходил здесь. Может, живет поблизости. Может, это вон тот парень, сосед с попкорном... – Они оба посмотрели на пару с чашкой – муж как раз отправил в рот очередную пригоршню.

Хюльдар покачал головой и повернулся спиной к саду. Холод опять заползал в кости: никотинового эффекта хватило ненадолго.

– Когда там Эртла закончит? Могли бы сидеть спокойно в офисе, заниматься чем-нибудь полезным... Я бы, например, перекусить не отказался. – Он раздавил пальцами окурок и аккуратно засунул его обратно в пачку, чтобы не подкидывать криминалистам пустой работы. – Ежу понятно, что Стеллы здесь нет.

Чрезмерная активность в связи с находкой телефона объяснялась верой начальства в то, что тело должно находиться где-то неподалеку, но поиски, в которых были задействованы две собаки-ищейки из отдела К9, положительного результата не дали, и надежда угасла. Тем не менее уходить никто не торопился. Ищейки скучали у колес привезшей их машины.

Дверь террасного домика наконец открылась, и из него вышел детектив Хельги. Его лучшие годы остались позади. Под расстегнутым пальто постороннему взгляду открывалась рубашка, пуговицы которой из последних сил сдерживали расплывающийся живот. Неумеренность в еде, слишком много пива, залысины – вот так он встретил средний возраст.

Они не были друзьями, даже приятелями не были, однако Хюльдар все же похлопал Гвюдлэйгюра по плечу и кивком указал на коллегу. Понимал, что тот не преминет воспользоваться шансом выставить себя хранителем высшего

знания, но и пребывать в полном неведении надоело до чертиков. Пока им с Гвюдлэйгюром сообщили только, что телефон удалось отследить после того, как с него часом ранее было разослано сообщение всем фолловерам Стеллы в «Снэпчате».

Хюльдар был первым из полицейских, кто увидел сообщение – точнее, фотографию. Спрыгнув со сцены в зал, он выхватил телефон у первого попавшегося тинейджера, который еще не успел посмотреть снэп. Снимок демонстрировал полностью одетое тело девушки. Головы видно не было – и слава богу, потому что после ударов огнетушителем она вряд ли являла собой приятное зрелище, – но одежда напоминала ту, которую носила Стелла. Где и когда был сделан снимок – в кинотеатре или после, – осталось неясным. Надпись – черная ленточка под фотографией – гласила: «У жестокости человеческое сердце». Если это была цитата, Хюльдар ее не узнал. Вспомнив полученные инструкции по обращению со снэпами, он сделал скриншот, прежде чем сообщение самоуничтожилось, доложил о случившемся в участок и конфисковал – к нескрываемому возмущению и негодованию владельцев – два телефона, на которых приложение еще не открывали.

– Эй, Хельги! – Хюльдар ускорил шаг, полный решимости перехватить детектива, пока тот не сел в машину.

Хельги обернулся и, увидев, кто к нему обращается, скривил недовольную гримасу.

– Что? – Он прищурился, защищая глаза от ярких мигающих огней.

– Что там происходит? Они закончили? – Хюльдар остановился в конце мощеной дорожки, ведущей к передней двери. Подошедший Гвюдлэйгюр встал рядом, блокируя выход.

– Да, почти. – Раздражение Хельги от того, что его загнали в угол, исчезло, когда он понял, что одержал верх: нужная им информация у него. – А вы почему в форме, парни? Яйца отморозите в такой холод. – Его физиономию осветила злобная ухмылка. – Так что, Эртла вас не впускает или вы просто боитесь, что она к вам в штаны залезет?

– Что ты сказал? – Хюльдар угрожающе шагнул вперед. Нападение – лучшая форма защиты, и он всегда немедленно пресекал любое комментирование той истории.

– Не кипятись. – Взгляд Хельги заметался в поисках пути к отступлению.

После того как Хюльдар не так давно ткнул сигаретой в глаз арестованному, его считали немного психом. Рассеять слухи он не пытался, а то, что коллеги немного нервничали в его присутствии, давало некоторое преимущество. К сожалению, это происшествие постепенно выветривалось из людской памяти, и приходилось время от времени стучать, так сказать, кулаком по столу, ради поддержания и закрепления образа.

– Мне что, повторить надо? Что там? Связь какая-нибудь между Стеллой и жильцами есть?

– Нет. По крайней мере, они эту связь не признают. – Хельги уже не ухмылялся и отвечал почти вежливо. – О Стелле им известно по новостным выпускам, но родственниками они не являются и ни с ней самой, ни с ее семьей не знакомы.

– Сами они кто?

– Пара лесби. – Гнусная усмешка вернулась на свое место. – Одна – врач, другая – медсестра. То ли женаты, то ли партнеры, то ли как у них там это называется. – Детектив подмигнул коллегам, которые молча и без всякого выражения смотрели на него. Хюльдар никак не мог решить: то ли он неверно интерпретировал реакцию Хельги, то ли тот еще глупее, чем кажется. – Я вам так скажу: обе довольно аппетитненькие. Пригласили бы третьим, я, пожалуй, не отказался бы.

– Думаю, ты неверно понимаешь базовую концепцию. – Хюльдар даже не попытался скрыть презрение. – Они – женщины. Такого, как ты, они и на пару метров не подпустят. Так что избавь нас от своих жалких фантазий.

Физиономия коллеги отразила отчаянные усилия найти достойный ответ, но Гвюдлэйгюр переменял тему:

- Послушай, давай ближе к делу, ладно? У них есть дети возраста Стеллы?

Хельги оживился. На этот вопрос он мог ответить, не задействуя дополнительные умственные возможности.

- Нет. Только две малышки: одна недавно в школу пошла, другая еще в саду. Говорю же, никаких связей. - Он поежился и запахнул плотнее пальто, полы которого едва сошлись на животе. - Постоянно под ногами крутились, разговаривать мешали. Только из комнаты выгонишь, отвернешься, а они снова к двери прилипли... Сразу видно, полиция у них редкий гость. - Он вздохнул. - Одна косоглазая, ну просто фрик. Увидишь такую, и мурашки бегут по коже.

- Ты же о ребенке говоришь, тупой придурок.

Гвюдлэйгюр вмешался прежде, чем вспыхнул серьезный конфликт:

- Итак, они думают, что телефон подбросили случайно?

Хельги с облегчением повернулся к молодому коллеге, радуясь предложению избежать презрительного взгляда Хюльдара.

- Нет. Эртла на такое не купилась. Тот, кто избавился от телефона, подошел к передней двери и просунул его в щель. Не бросил где-то в садике, как сделал бы, если б хотел просто отделаться от улики. Вот почему все так затянулось. Эртла продолжает допрашивать их, все надеется раскопать связь со Стеллой, но пока мы только топчемся на одном месте.

- Значит, того, кто подбросил телефон, они не видели? - Гвюдлэйгюр кивнул в сторону двери.

- Говорят, что нет. В дом вошли через гараж, так что почтовый ящик проверять не стали.

- Почтовый ящик? Хочешь сказать, телефон не лежал на полу?

- Нет. Дело в том, что у прежних жильцов вроде была собака, ждавшая их с работы у двери и рвавшая в клочья все письма и газеты, какие только падали из

щели. А заодно и пальцам почтальона доставалось. Вот они и приделали к двери ящик. Когда мы пришли и постучали, телефон все еще лежал в ящике, так что, может, и не врут. По крайней мере, удивились не меньше нашего.

Мозги тормозили не только у Хельги. Холод, похоже, парализовал и мыслительные способности Хюльдара. Те вопросы, что теснились у него в голове, пока они с Гвюдлэйгюром стояли в оцеплении, исчезли и не возвращались. Если спросить не о чем, придется отпустить Хельги, потому что смотреть в эти пустые водянистые глаза он больше не мог.

– По телефону есть новости? Удалось его разблокировать? Отпечатки нашли?

– Чего не знаю, того не знаю. Ничего такого не слышал. – Хельги нетерпеливо переступил с ноги на ногу, и Хюльдар отступил в сторону. Если один вышел, то, наверное, и остальных ждать осталось недолго.

Хельги сел в машину и захлопнул дверцу.

– Не переносу этого типа, – пробормотал Гвюдлэйгюр. – Так раздражает, что сил нет.

– Не тебя одного.

Они вернулись в сад и заняли свои места, продолжив наблюдение за молоденькими девушками из криминалистического отдела, все еще склонившимися над следами в снегу.

Может быть, стоит позвонить Фрейе? Поинтересоваться, как прошел разговор с девушкой, которая так странно вела себя на школьном собрании во время выступления директрисы...

Хюльдар уже потянулся за телефоном, но отвлекся на движение в одном из окон. Яркая розовая занавеска сдвинулась, и из-за нее выглянуло детское личико – по-видимому, старшей дочери. В голубом свете полицейских мигалок ее глаза казались особенно широкими и любознательными, причем один смотрел чуть в сторону. Впрочем, косоглазой, как назвал ее идиот Хельги, она не была. Когда их взгляды встретились, девочка задернула занавеску и исчезла.

Хюльдар продолжал смотреть на окно, когда передняя дверь открылась и из дома вышла Эртла, за которой следовал ее эскорт.

Глава 7

Затылок Давида едва заметно выступал над спинкой черной софы. Светлые волосы были непривычно взъерошены, а несколько прядей торчали, как если бы их лизнула корова. Айвар вспомнил, как увидел сына в первый раз, когда тот только появлялся на свет: детская головка с влажными черными волосиками, которые так сильно изменились с тех пор, запечатлелась в памяти как самое ужасное и прекрасное зрелище одновременно.

Вспомнил, как, почувствовав слабость, рванулся к Аугусте. Головокружение вызвал не только вид крови и неестественно растянутой вульвы, но и ответственность, которая должна была вот-вот лечь на его плечи. Ответственности, к которой он собирался отнестись со всей серьезностью. Знай он тогда, как все обернется, наверное, уступил бы слабости и свалился на пол прямо в родильной палате.

Айвар больше не мог это читать, не мог больше выносить это уродство. Он закрыл стоящий на кухонном столе ноутбук и сосредоточился на затылке своего сына.

Комната была маленькая, меньше, чем хотелось бы, хотя и больше, чем он мог себе позволить. При разводе с Аугустой выяснилось, что делить-то особенно нечего. Квартира представляла собой совмещенную с кухней жилую зону открытой планировки, в которую удалось втиснуть небольшой стол, софу и телевизор.

Их старый дом отнюдь не был дворцом, но там, готовя кофе, ты не мог одновременно протянуть руку и пощелкать кнопками телевизора. Впрочем, компактность имела и положительные стороны, одной из которых была вынужденная близость к сыну.

Давид имел привычку уединяться, но о каком уединении может идти речь, когда твоя так называемая комната – это, по сути, хозяйственная кладовка без окна, все пространство которой занято кроватью? Играть в «Плейстейшн» он предпочитал в гостиной, чтобы не сидеть перед пустой стеной.

На экране вооруженные люди палили друг в друга. Айвар знал, что игра не предназначена для детей возраста его сына. Аугуста возражала бы, но здесь у нее не было права голоса. К тому же Давиду вот-вот стукнет четырнадцать, и Айвар припоминал, что в игры, запрещенные подросткам до шестнадцати, вроде бы позволено играть в присутствии взрослого. А если такого правила не существует, то его не помешало бы принять. Многим детям, особенно таким, как его сын, необходим аварийный клапан, отдушина для сброса негативных эмоций, чего не дают более спокойные игры. Может быть, ему самому не помешало бы снять напряжение, постреляв вражеских солдат из снайперского гнезда... Хотя вряд ли.

Айвар повернулся и уставился в окно.

– Как дела в новой школе?

Давид ответил не сразу. Безостановочный треск выстрелов прекратился, стало тише.

– Все хорошо.

– С другими ребятами познакомился?

Пауза. Как будто колебание.

– Конечно.

– И как они? Всё нормально?

Снова едва уловимая пауза.

– Да.

– Как их зовут? – За окном, мимо подступившего к дороге сугроба, неторопливо проехал автобус. – Твоих новых товарищей?

На этот раз молчание затянулось. Давид был хорошим мальчиком и врать не любил.

– Не помню.

Айвар хотел поймать его на лжи, сказать, что если у тебя есть друзья, то ты обязательно знаешь, как их зовут, – но не смог, как не мог заставить себя произнести имена детей, приславших его мальчику гадкие, отвратительные сообщения в «Фейсбуке».

Он не знал, видел ли сын эти сообщения, и едва сдерживался, чтобы не отобрать у него ноутбук и не заменить телефон старомодным кнопочным. Да только какой от этого толк... Давид прочел уже десятки оскорблений в свой адрес, так что ничего нового не произошло. Мальчику слишком трудно в школе, чтобы еще запрещать ему интернет дома. Меньше всего хотелось превращать «отцовский уик-энд» в невыносимое испытание, поэтому Айвар просто закусил губу и приказал себе не задавать лишних вопросов.

Через какое-то время стрельба возобновилась. Он отвернулся от окна и, глядя на светлые волосы сына, спросил:

– Тебе никогда не хотелось иметь настоящее оружие?

Давид обернулся и удивленно уставился на отца.

– Что?

– Просто спросил. – Айвар и сам не мог бы объяснить, что подтолкнуло его задать этот вопрос. Может быть, хотелось услышать, как сын относится к насилию в реальной жизни, понять, ограничивается ли желание убивать только фигурками на экране. Реакция Давида была достаточно показательной: ничего подобного ему и в голову не приходило. Айвар мог бы и не спрашивать.

В последнее время он ощущал растущее внутри себя ожесточение. Это было неизбежным следствием бесконечных и безуспешных попыток прекратить психологическую пытку, которой его ребенок подвергался с первого дня в школе. Удивительно, как это он раньше не задумывался о том, чтобы самому обратиться к насилию? Все остальное они перепробовали, но ничего не изменилось, хотя каждый, очевидно, стремился оказать посильную помощь.

Школьная система подводила каждый раз, вопреки неоднократным попыткам применить Программу предотвращения буллинга, разработанную Ольвеусом[З - Дан Ольвеус - норвежский психолог, один из основоположников исследования буллинга в западной психологии.] и призванную играть роль распятия в противодействии Антихристу. На встречах с ним и Аугустой представители школьной администрации преподносили ее как золотой стандарт, обеспечивающий решение любой проблемы. Но на практике программа доказала свою полную неэффективность, а психолог, к которому ходил Давид, оказался пустобрехом. Что бы они ни пробовали, ничего не работало. Ситуация только ухудшалась. Айвар потерял счет телефонным разговорам с родителями хулиганов, оказавшихся такими же безрезультатными. Сначала они изъявляли желание предпринять решительные шаги, чтобы справиться с ситуацией, но, когда это не срабатывало, энтузиазм быстро гас. После пятого звонка все они, почти без исключения, отвернулись от Давида и начали перечислять его ошибки и проблемы, которые, по их мнению, лежали в основе стычек. Проще говоря, убеждали, что он сам виноват. Айвару посоветовали разобраться со своим сыном, и тогда всё будет чудесно и они все вместе пойдут есть мороженое.

Мало-помалу терпение потеряли даже друзья и родственники. Они слушали жалобы, но ничего не могли предложить и только ждали, пока разговор перейдет на темы менее тягостные. Что еще хуже, их дети, которых привлекали играть с Давидом после уроков, тоже устали от всей этой ситуации и старались под разными предлогами уклониться от помощи. Маленькие паршивцы.

Давид вернулся к игре. Глядя на экран, Айвар видел, как спотыкаются и падают фигурки, раненные в грудь или голову. Все они умирали мгновенно - никаких предсмертных конвульсий или судорог. Так же далеко от реальности, как в кино. Вероятно, геймеры были не заинтересованы в том, чтобы притворяться, будто участвуют в настоящей войне; как и его сын не был заинтересован в настоящем оружии. Что довольно странно, учитывая, через что ему приходится проходить. Возможно, это еще один симптом низкого самоуважения. Давид не чувствовал, что заслуживает чего-то, кроме дерьма. Мальчик перестал замечать то, что

было, очевидно, Айвару: с ним всё в порядке. Проблема целиком и полностью в его мучителях.

Ситуация окончательно вышла из-под контроля после того, как в жизнь подростков вошли соцсети. Все прежнее выглядело едва ли не шуткой в сравнении с тем, что началось, хотя в то время это казалось адом.

Теперь Давиду негде было спрятаться. Абьюзеры преследовали его повсюду, куда бы он ни пошел, даже в комнате и постели. Чем дальше, тем хуже. Прежде он сталкивался с ними только в школе, лицом к лицу; теперь же их возможности не знали предела. Переход в другую школу совершенно ничего не изменил; старые враги преследовали его в киберпространстве, сливая свой яд новым одноклассникам Давида. Некоторые сообщения были настолько жестоки и оскорбительны, что Айвару едва хватало выдержки дочитать их до конца. Не раз и не два он порывался схватить гаджет и выбросить в окно с третьего этажа, чтобы чертов компьютер разбился о тротуар. До сих пор удавалось подавить этот импульс. Компьютер был нужен, потому что давал возможность попасть на страницу сына в «Фейсбуке» без его ведома. Время от времени Айвар разрешал мальчику пользоваться им, и однажды Давид случайно сохранил пароль. Большого везения нельзя было и желать.

Из горла рвался издевательский смех. Везение. Удача отвернулась от него давным-давно. А ведь мальчишкой он пользовался ее расположением: побеждал в школьном лото, угадывал ответы на экзаменах и даже забивал на футбольном поле голы, которые никак не соответствовали его способностям, а были продуктом чистой случайности. Но теперь Айвар не выиграл бы в лотерею даже с помощью хрустального шара. Впрочем, финансовый успех его не интересовал. Он хотел только, чтобы для Давида что-то изменилось к лучшему. Чтобы тот, например, завел друга. Хотя бы одного. Или даже просто приятеля. По крайней мере, это облегчило бы бремя им обоим.

Но в такое уже не верилось. Давид был одинок, и перспектив улучшения ситуации не предвиделось. Правосудие Ветхого Завета – единственное, за что оставалось цепляться. Око за око, зуб за зуб. Не опускаясь до того же уровня, что и обидчики. Нет, Айвар предпочитал иной подход к древнему изречению.

Удар за слезу.

Один удар за каждую слезу, пролитую Давидом на протяжении школьных лет. Один удар за каждую слезу, пролитую им самим. И один удар за каждую слезу Аугусты. Ударов получалось чертовски много. Достаточно, чтобы превратить этих гаденышей в фарш. Если это хорошо для Бога, то должно быть хорошо и для него.

Сообщения, которые получал сын, отпечатались на сетчатке, обжигая, словно впрыснутая в мозг кислота.

Убейся

Удаvisь

Убейся

Ненавижу Мы все тебя ненавидим

Свинья Грязная свинья

Сгинь и сдохни

Пидор

Сделай одолжение. Зарежься

Тебя ни одна девчонка не захочет. Урод

Уматывай из нашей школы Ты все портишь

Убейся

Залезь в петлю

Сдохни

Айвар посмотрел на экран. Свистели пули, и здоровенные солдаты падали словно мухи. Оставалось только надеяться, что это плохие парни, выросшие задиры и драчуны, ломавшие жизнь другим детям. Если так, то они заслужили и кое-что похуже.

Мужчина стиснул зубы и потер лицо, стирая выражение ненависти, все чаще и чаще проступавшее на нем в последние дни. Решив, что выглядит нормально, он поднялся.

– Ну ладно. Пора выключить эту штуку. Как насчет прогуляться и съесть по бургеру?

Давид не спорил. Отложив контроллер, он выключил экран и встал. Его послушный, умный, красивый мальчик. Айвар тепло улыбнулся, чтобы Давид не прочел проносившиеся в его голове мысли.

Убей

Зарежь

Повесь

Глава 8

Девушка была мертва. Вне всяких сомнений. Тянувшийся от двери кровавый след высох и потемнел, как и кровь на ее разбитом лице.

Он старался не смотреть, старался отгородиться от ужаса и тошнотворного запаха, сосредоточившись на том, ради чего пришел сюда.

Положив на пол фонарик, чтобы освободить руки, он расстелил рядом с телом кусок полиэтилена, накрыл рукой нос и рот и сделал глубокий вдох, чтобы не дышать, когда придется наклониться.

Потом обошел ее, согнулся и начал заворачивать труп в полиэтилен. Сделать это оказалось не так легко, как представлялось, и было бы еще труднее, не будь девчонка худенькой и невысокой. От мертвых помощи не больше, чем от мешка с песком. Дважды приходилось выпрямляться и, отвернувшись, переводить дух, но в конце концов все удалось сделать так, как надо. Дальше было легче: завернуть тело в хрустящий материал и перетянуть в нескольких местах клейкой лентой.

Закончив с этим, он поднялся, выключил и убрал в карман фонарик, сделал еще несколько глубоких вдохов и потащил сверток к двери, моля небеса о том, чтобы полиэтилен не порвался и его никто не увидел. При одной лишь мысли об этом сжималось сердце.

Что будет, если он попадется кому-то на глаза? Хотя если здесь никого не было раньше, то почему кто-то должен появиться теперь? Мужчина приоткрыл дверь, выглянул в темноту и, удостоверившись, что никого нет, с облегчением выдохнул. Все будет хорошо.

Интересно, почему ни онлайн, ни в СМИ все еще нет никакого объяснения? Возможно ли, что отделы новостей перенаправляли письма в полицию вместо того, чтобы использовать их для увеличения тиражей? Или не поняли, с чем имеют дело?

Видимо, они получили слишком много материала и рассматривают его в порядке поступления. Да, это вполне тянуло на объяснение. Просто письма пока еще не прочитаны.

Но в блоге все уже должно быть размещено. Его подготовили давным-давно, настроив на автоматическое обновление. Проверить он не решался, опасаясь оставить цифровой след. Будешь осторожным – и беспокоиться не о чем.

За исключением публикации материалов в медиа, все шло по плану. А раз так, то нужно сосредоточиться на главном и не отвлекаться на мелкие сбои. Если удастся продержаться еще несколько дней и не попасться, то все получится. Ухватившись за эту мысль, он направился к машине, волоча за собой сверток, словно громадный пластиковый хвост.

Глава 9

Фотокопия рукописного письма, запись номер 1 – размещена на blog.is блогером по имени Vala.

Теперь, приняв решение, я чувствую себя хорошо. Странно. Я уже забыла, каково это, потому что обычно все время чувствую себя плохо. Ни облегчения, ни радости, ни удовольствия я не испытываю. Скорее можно говорить об удовлетворении. Помню, как мы поехали однажды собирать ягоды и я собрала больше всех и чувствовала себя примерно так же. Это было незадолго до того, как все пошло не так. Хочу испытать то же самое.

Я в норме, не оступилась, не сорвалась. Это нужно помнить, когда пытаешься понять, что я сделала. Наконец-то я знаю, что значит испытывать удовлетворение, но хочу объяснить, почему я это сделала. Это поможет

смириться с произошедшим. Возможно, ребята из класса поймут меня. Если да, то полезно напомнить о случившемся, хотя им, вероятно, картина будет видеться по-другому. Думаю, наши воспоминания не отличаются до тех пор, пока тот парень не посмеялся над моим именем.

Приятный запах ластика, блестящие стикеры, которые учителя клеивали в тетради, веселье на переменах и ланче... Какие они счастливики, хотя и сами, наверное, этого не понимают. Я не одна из них.

Я помню, когда все началось, где мы были и кто это начал. Мне было восемь лет. Мы проучились в одном классе только год, после чего он ушел, и с тех пор я его никогда не видела. Возможно, это к лучшему, потому что не знаю, что сказала бы ему, если бы увидела сейчас. Наверное, ничего. Ему не было суждено узнать, какой эффект произведут его слова. Он и не сделал ничего особенного, просто повторил мое имя вслед за учителем и хихикнул. Ничего больше и не потребовалось. До этого он много раз слышал мое имя, и много раз его слышали другие. Все они знали меня, но тоже захихикали, словно он сказал что-то невероятно забавное. Но мое имя не такое уж странное.

После того случая надо мной стали потешаться. Стоило кому-то произнести мое имя, как все начинали хохотать. Их смех был недоброжелательным и злым – он не имел ничего общего с весельем, радостью. Это был смех людей, которые наступают на паука – просто так.

Началось с имени, потом пришел черед всего остального.

Мои волосы были дурацкими. Моя одежда была дурацкой. Все, что я говорила, звучало по-дурацки.

Ни на что не годная уродина, тупая и скучная.

Так это или нет, не имело значения. Группа решила – и точка. Бывает так, что правда – это то, что решили все.

Я до сих пор прекрасно все помню.

Паренек с веснушчатым лицом думает о моем имени, повторяет его, и глаза у него распахиваются. На столе передо мной коробка с ланчем, а в ней нетронутый сэндвич; мама забыла, что я больше не ем огурцы. Я как раз отпила из пакетика с шоколадным молоком, когда за спиной кто-то хихикнул. Рядом, вместе с остальными, рассмеялась моя подруга.

Сладкое молоко вдруг показалось горьким, и нечто подобное, хотя тогда я этого не поняла, произошло с моей жизнью.

С того мгновения, как тот мальчик с веснушками приоткрыл рот, моя чудесная жизнь сломалась и пошла не туда.

Глава 10

Аппетита сэндвич не вызывал: хлеб зачерствел, а в сморщившейся массе посередине едва угадывался салат с тунцом. Срок реализации был неразборчив, и Хюльдар задался вопросом, не мог ли хозяин магазина преднамеренно стереть цифры. Скомкав упаковку, детектив бросил получившийся шарик через комнату, и тот, описав высокую дугу над головой коллеги, упал в мусорную корзину.

– Та-да!

Гвюдлэйгюр, на которого удачный бросок старшего товарища не произвел впечатления, с неохотой оторвался от экрана. Сам он, аккуратно разделив бумагу и пластик, отправил их в соответствующие контейнеры.

– Что думаешь об имейле от Фрейи? Может, стоит проверить?

– Может быть. Делать-то нам все равно нечего. – Хюльдар открыл сообщение и еще раз его прочитал. Фрейя пыталась позвонить, но он забыл включить звук на телефоне, после того как соскочил со сцены в школьном актовом зале. Досадная промашка, ведь он так долго и впустую ждал звонка... Обнаружив сообщение, Хюльдар, конечно, сразу перезвонил, но она не ответила. – Тут написано, что с нападением Адальхейдюр напрямую, очевидно, не связана, а поскольку в социальном плане она изолирована, то и привлечь кого-то со стороны ей было

затруднительно. Фрейя называет возможным подозреваемым ее отца, но я не согласен. Если он ждал дочь возле школы, пока шло собрание, то не успел бы подбросить телефон тем женщинам. И машину, похожую на ту, которую описала Фрейя, я вроде бы видел, когда мы приехали. И она была там же, когда мы уезжали.

– А если старший брат? – Гвюдлэйгюр поиграл «мышкой». – Или мать?

– Не исключено. – Хюльдар нахмурился. – А что бы ты сделал, если б над твоей дочерью так издевались? Здесь сказано, что Стелла сфотографировала ее в душевой после занятий в спортзале и разослала всем фото. А еще завела в «Фейсбуке» страницу, последняя версия которой называется «Мы ненавидим Адалъхейдюр». Видел, какое дерьмо они там постят?

Гвюдлэйгюр кивнул. Страница была общедоступной, и Фрейя прислала им ссылку. Просматривая лэптоп Стеллы, Хюльдар ее не заметил. Возможно, он не заметил что-то еще, но не всем же быть айтишниками. Сейчас лэптоп находился у криминалистов, которым предстояло снять всю, до последнего байта, информацию с жесткого диска.

– И ведь это еще не все унижения, которым ее подвергли. Может, и тебя довели бы до того, что взял бы и избил девчонку, которая испоганила жизнь твоей дочери? – Поскольку детьми ни один, ни другой не обзавелись, ответа на этот вопрос не последовало. – Как думаешь, не боялись ли подруги Стеллы, что мы найдем в «Фейсбуке» эту страницу? – спросил Хюльдар после недолгого молчания.

– Может быть. Если не что-то похуже. – Гвюдлэйгюр вздохнул и переменял тему: – От Эртлы по-прежнему ничего?

Имейл Фрейи Хюльдар переслал Эртле: во-первых, как ценную информацию, а во-вторых, как напоминание, если она вдруг забыла, что они с Гвюдлэйгюром все еще являются частью команды.

– Нет. – После возвращения из дома, где нашли телефон, босс даже не посмотрела в их сторону, так что они сидели, бездельничая, в то время как другие постепенно расходились по домам.

– Может, и нам пора? – Гвюдлэйгюр потряс пустой баночкой из-под йогурта, словно надеясь, что она снова наполнится каким-то волшебным образом. – Мне уже и заняться нечем.

– Мне тоже. Но если будем сидеть тихо, может, что-то и получим. – Хюльдар понимал, что этого не будет, но, словно упрямый ребенок, решил держаться до тех пор, пока Эртла не признает его присутствие. Правда, сидеть в одиночестве тоже не хотелось. – Может быть, появятся новости от криминалистов. Телефон наверняка уже проверили, должны бы скоро и с ноутбуком закончить. После этого дел хватит на всех, и будет жаль, если в офисе останется одна только Эртла.

– Ну, может, и так, – неуверенно согласился Гвюдлэйгюр.

Человек, через голову которого Хюльдар забросил в корзину обертку от сэндвича, выключил компьютер, поднялся, потянулся, снял пиджак со спинки стула и, не попрощавшись, вышел. Жест этот в целом верно отразил степень популярности Хюльдара в департаменте.

Из офиса Эртлы раздался приглушенный сигнал телефонного звонка, и напарники, мгновенно встрепенувшись, повернулись к стеклянной стене.

– Видишь. – Заложив руки за голову, Хюльдар откинулся на спинку кресла. – Ожидание закончилось.

Между тем босс встала и медленно провела ладонью по лицу, словно разглаживая черты. Хюльдар знал, что означает этот жест: сейчас что-то случится.

Разговор по телефону закончился. Эртла вышла и оглядела пустой офис. Кроме Хюльдара и Гвюдлэйгюра на своем месте остался только один детектив, ветеран, ожидавший скорой отставки. Звали его Каури, и после операции на лодыжке он ходил на костылях. По отделу гулял слух, что у него поехала крыша.

Недовольно скривившись, босс подозвала его и только после этого заметила сидящих в углу Хюльдара и Гвюдлэйгюра. На лице ее отразилась еще большая досада. Признавая несправедливость сложившегося расклада, Эртла с горечью покачала головой и приказала им одеваться.

Хюльдар невольно расплылся в широкой ухмылке, но она тут же исчезла, когда он услышал, в чем дело: найдено тело Стеллы.

* * *

Затяжной привкус залежалого салата с тунцом только усугублял ситуацию. Хюльдар всегда плохо воспринимал кровь и прочие телесные жидкости, а также с рвотой, открытыми ранами, трупами – всем, что ассоциировалось с последствиями насилия или самоубийства.

С другой стороны, все могло быть и хуже: девушка умерла меньше двадцати часов назад и лежала на открытом воздухе, так что вонь была не слишком сильная. Тем не менее он чувствовал металлический запах крови с ноткой разложения и знал, что нотка эта будет только усиливаться.

Клянчить у Эртлы ментоловую мазь, чтобы помазать под носом, Хюльдар не стал, понимая, однако, что рано или поздно гордость придется проглотить. Либо так, либо отойди в сторонку и проблюйся, попрощавшись с сэндвичем. В этой реакции не было ничего необычного. Когда такое случалось с полицейским, бедолагу либо похлопывали по спине, либо поддерживали добрым словом, но Хюльдар знал, что ему таких знаков внимания ждать не следует. Понимая, что еще нескольких ударов его репутация может не выдержать, он с натугой сглотнул и приготовился крепиться.

Стелла лежала на спине, на мокрой забетонированной площадке небольшой автостоянки с тыльной стороны последнего в городе старомодного магазина самообслуживания. В наше время люди идут в супермаркет, если им нужны сладости и выпивка, и на заправочную станцию за хот-догами. Владелец этого магазинчика не желал сдаваться, но белеющий под стеклом шоколад и запылившиеся пакетики со сладостями на полках свидетельствовали о том, что сражение складывается не в его пользу. И все же, какое бы тягостное впечатление ни производила обстановка, Хюльдар отдал бы многое, чтобы постоять там на страже. Уж лучше глазеть на скукожившихся мармеладных мишек, чем рассматривать труп. К сожалению, на роль охранника назначили хромоногую Каури, для которого чудесным образом отыскался стул. Было ясно, что Эртла хочет убрать ветерана подальше, потому что с момента прибытия на место он постоянно бубнил о том, что испытывает сильнейшее дежавю. О самом

месте преступления Каури не сказал ни слова, только бормотал что-то насчет неясного воспоминания о чем-то, чего, возможно, никогда и не было.

Владелец рассказал, что споткнулся о тело, когда выносил мусор. Трупа точно не было, когда он прибыл на вечернюю смену в пять часов. Девушка лежала между его машиной и двумя мусорными контейнерами, стоявшими у ограждения, так что, если б она уже была тогда, он обязательно увидел бы ее, когда въезжал.

В полицию мужчина позвонил около восьми, поэтому логично было предположить, что Стеллу подбросили в этот трехчасовой интервал. Хюльдар поставил бы на то, что все случилось около семи вечера, когда на улице меньше всего машин, но к нему никто не обращался: Эртла вела себя так, словно его не существовало, а криминалисты предпочитали искать ответы под микроскопом. К сожалению, той симпатичной девушки, на которую пялился накануне Гвюдлэйгюр, на этот раз не было.

Наткнувшийся на тело так расстроился из-за случившегося, что не смог внятно ответить на вопросы. Но и домой идти отказывался, упрямо повторяя, что от него зависят местные жители и закрываться нельзя. Однако часы показывали половину десятого, и за то время, что они здесь находились, в магазине побывал только один покупатель. С другой стороны, вся компания – криминалисты и четыре детектива – уже купила себе сэки. Хюльдар подозревал, что это и есть настоящая причина, по которой хозяин предпочитал торчать поблизости.

Сам он купил сначала одну бутылку кока-колы, а потом вторую, когда первой оказалось недостаточно, чтобы подавить тошноту. Очередь третьей настала, когда судмедэксперт воткнул термометр в труп. Желудок пригрозил бунтом. Хюльдар проклинал и погоду, и место: поскольку с дороги парковочная площадка была не видна, палатку над телом ставить не стали. В случае ветра или дождя укрытие, конечно, возвели бы – так нет же, вечер выдался на редкость тихий и безоблачный.

Хюльдар закрыл глаза, стараясь сосредоточиться на чем-нибудь позитивном. Но попытки направить мысли на ловлю форели или футбольную сборную Исландии разбивались о снова и снова возникающую перед глазами Стеллу с разбитой головой. Он не мог смотреть даже на дым, что само по себе значило немало. Хотелось только одного: повернуться спиной к суете вокруг трупа и уставиться на узкую подъездную дорожку, которую они с Гвюдлэйгюром как бы охраняли.

Рядом с младшим коллегой он чувствовал себя слабаком, размазней.

Осматривавший тело судмедэксперт выпрямился, стянул латексные перчатки и сунул руки в теплые митенки, которые протянул ему помощник. Как и остальные члены команды криминалистов, он был в белом пластиковом балахоне, под которым виднелась стеганая дутовая куртка, придававшая эксперту сходство с надувным человечком, логотипом компании «Мишлен». Подойдя к Эртле, он обменялся с ней несколькими словами.

Гвюдлэйгюр повернул голову к напарнику:

– Что происходит?

– Понятия не имею. Надо бы посмотреть... подожди здесь. – Если подойти вдвоем, на них наверняка прикрикнут и вернут на пост. Но поскольку до сих пор на дорожке никто не появлялся, требовать формального соблюдения приказа было бы неразумно.

Как ни старался Хюльдар не смотреть на труп, проходя мимо, боковое зрение зацепилось за хрупкую, почти детскую фигурку в одежде, напоминающей домашнюю; мертвенно-бледную кожу и светлые волосы, расстелившиеся вокруг неузнаваемого, разбитого в кровавое месиво лица. В ярком свете переносных прожекторов девушка походила на потрепанную и брошенную ребенком куклу.

Информации у Эртлы нашлось немного. Судмедэксперт не мог не слышать о расследовании по обвинению в сексуальном харассменте, и с учетом этого обстоятельства ей приходилось осторожничать, чтобы не выдать тот факт, что их с Хюльдаром отношения остаются напряженными. По крайней мере, именно на это рассчитывал детектив, вступая в разговор.

– Нашли что-нибудь интересное?

– И да, и нет. Это точно она. – Судмедэксперт бросил взгляд на Стеллу. – Но пробыла здесь не все время. Полагаю, это соответствует показаниям хозяина магазина. Цианоз – скопление крови под кожей – указывает на то, что непосредственно после смерти она лежала некоторое время на боку. Фаза трупного окоченения еще не завершилась, поэтому по наклону тела видно, что теперешнее положение не соответствует плоской поверхности бетонной

площадки. Далее. Прошлой ночью и потом, в полдень, шел снег, и, хотя парковочные места подогреваются, тело должно было быть хоть чуть-чуть присыпано снегом, если б она лежала здесь с прошлой ночи. Но ни единой снежинки не видно. Остальные подробности смогу сказать только после вскрытия.

Хюльдар почувствовал, как от его лица отливает кровь, и надеялся, что остальные этого не заметили. Ему доводилось присутствовать при вскрытиях, и он своими глазами видел, что происходит на секционном[4 - Патологоанатомический стол.] столе. Хорошо, что теперь эта обязанность лежит на Эртле.

- Есть ли шанс отыскать что-нибудь, что поможет идентифицировать убийцу? - Обычно в подобных ситуациях задают вопрос о причине смерти, но на этот раз такой необходимости не было: все они были свидетелями убийства благодаря записи с камер видеонаблюдения.

- Если повезет. В кулаке у убитой мы нашли несколько волосков. Они короткие... слишком короткие, чтобы принадлежать ей. Сохранились целые фолликулы, так что должно получиться выделить ДНК. Если повезет, проверим по CODIS[5 - База данных ДНК, созданная и поддерживаемая ФБР США. Используется по всему миру. Для доступа нужен одобренный ФБР запрос.]. - Судмедэксперт оглядел залитую светом площадку. - Не исключено, что девочка была жива после того, как ее вытащили из кинотеатра, но это противоречит первоначальному выводу, сделанному на основе записей с камер наблюдения. Если я правильно помню, после судорог пальцы не были сжаты; следовательно, она бессознательно вцепилась в похитителя позже, может быть, когда ее загружали в машину. При условии, что к тому моменту он снял маску.

- Мы не нашли никого, кто бы его видел, - сказала Эртла. - И, к сожалению, рассчитывать на свидетелей уже поздно. Кровавый след прослеживается до автомобильной стоянки за зданием. Время позднее, метель, место пустынное... Возможно, он и не снимал маску.

- И все-таки сесть за руль и уехать в маске вряд ли решился бы... - Судмедэксперт задумался. - Но давайте предположим, что она схватила его за волосы не тогда, когда ее грузили в машину, а раньше. Допустим, пыталась защититься при нападении. Но мне такая картина видится сомнительной. Волоски слишком короткие. Разве что руки у нее были липкие, как часто

случается у женщин. Например, от какого-нибудь дурацкого крема. А пальцы могли сжаться позже, в результате трупного окоченения. – Эртла нахмурилась – реплика насчет крема ей не понравилась, – но судмедэксперт, не заметив ее реакции, продолжал: – И опять-таки, возможно, что волосы принадлежат не ему. Они могли прилипнуть к ладоням, когда ее тащили по полу. Могли прилипнуть в машине, в багажнике или на заднем сиденье. Тот факт, что тело увезли с места убийства, не работает нам на пользу. Одному богу известно, где оно находилось все это время.

– Что-нибудь еще?

– Остальное я смогу сказать после вскрытия, но не советую возлагать на результаты больших надежд. На записях видно, что убийца был в перчатках и, судя по всему, не забывал об осторожности, несмотря на те самые волоски. Полагаю, изнасилования не было. Есть вероятность, что он мог напасть до того, как начал делать видео в туалетной кабинке, но я в этом сомневаюсь. Жертва была полностью одета, и нет причин думать, что она натягивала одежду в спешке и состоянии шока. Признаков того, что преступник насиловал ее после того, как вытащил из помещения, а потом одел уже мертвую, я также не обнаружил.

Эртла поморщилась.

– Что ж, придется довольствоваться тем, что есть, хотя биологические следы были бы кстати.

– Вероятность найти что-то еще сохраняется. – Судмедэксперт кивнул в сторону склонившихся над телом техников.

Хюльдар знал, что труп скоро унесут, после чего придет очередь экспертов-криминалистов. Они уже прочесали оцепленную территорию в поисках улики, но похвастать большими успехами не могли и лишь установили по следам на укрывавшем дорожку тонком слое снега, где геотермального подогрева не было, что тело, вероятно, притащили со стороны дороги. К парковке вели два набора автомобильных следов, один из которых соответствовал протекторам на машине хозяина магазина. Сейчас криминалисты изучали шины автомобиля, принадлежащего женщине, которую он сменил в пять часов.

Поскольку вероятность того, что Стеллу притащили по земле, была крайне мала, они также изучали и снимали следы колес на внешней дороге. Это вряд ли приведет к преступнику, но может помочь потом, когда его найдут. Когда его найдут.

Гвюдлэйгюр посторонился, пропуская двух мужчин с носилками. Они подошли к телу и начали осторожно поднимать его с помощью двух техников. Проблема заключалась не в весе девушки, а в том, чтобы перенести ее с максимальной осторожностью. Пока они прикидывали, как взяться получше, остальные молча наблюдали.

На счет «три» окоченевшую Стеллу медленно подняли с земли и... замерли в нерешительности, переглянувшись между собой, словно решая, не опустить ли ее обратно. Тот, что руководил операцией, повернулся к судмедэксперту:

- Здесь, под ней, что-то есть. Что нам делать?

Судмедэксперт и Эртла торопливо подошли к ним. Хюльдар отстал на пару шагов. Стоявшие впереди мешали рассмотреть находку как следует, но он все же увидел что-то белое на том месте, где только что лежала девушка. Лишь после того как судмедэксперт снова натянул латексные перчатки и приказал положить тело на носилки, они смогли как следует рассмотреть находку. На потрескавшемся бетоне лежал белый лист бумаги формата А4.

Расторопный помощник протянул боссу пинцет.

- Это что еще за дерьмо? - поражено выдохнула Эртла.

Хюльдар придвинулся ближе и заглянул ей через плечо.

Там, на листке, напечатанная гигантским шрифтом, стояла жирная цифра 2.

В кои-то веки вопрос дня был предельно ясен. Речь шла не о временной линии, не о мотиве, не о преступнике или улике, а всего лишь о значении цифры 2.

Судмедэксперт считал, что бумагу положили под тело намеренно, но принять его предположение как нечто само собой разумеющееся они не могли. Гипотетически листок мог валяться там до того, как сверху бросили труп, и большинство членов следственной группы надеялись, что так оно и было, поскольку первый вариант вел к логическому заключению, что Стелла – жертва номер два. А это, в свою очередь, означало, что жертва номер один лежит где-то, до сих пор не обнаруженная.

Но поскольку лучшего объяснения не было, работать предстояло исходя из этого предположения, сделав все возможное, чтобы предотвратить кошмарный сценарий, при котором кто-то – особенно ровесник Стеллы – наткнется на еще одно тело. И, что еще хуже, кто-то, у кого есть телефон с камерой. Если такое случится, фотографии уйдут в социальные сети и оттуда распространятся по всей стране, проникнут в каждый дом. Им еще повезет, если этот кто-то окажется в достаточной степени порядочным, чтобы разбить на пиксели лицо и интимные места – при условии, что жертву еще можно будет идентифицировать.

– Ничего? – Голос у Эртлы прозвучал непривычно пронзительно. – Ни одного пропавшего?

Полицейский, проверявший списки пропавших без вести, покачал головой. Судя по гримасе разочарования на его лице, он предпочел бы, чтобы половина населения страны исчезла.

– Ни одного. Есть несколько старых заявлений, касающихся людей, которых до сих пор не нашли, но никто из них не подходит по возрасту. Большинство – альпинисты или предполагаемые самоубийцы.

– Предполагаемые самоубийцы? – Эртла снова сорвалась на повышенный тон. Похоже, сказывался недосып. Хюльдар и сам явился на работу заспанный и небритый из-за того, что вернулся домой поздно, а утром встал рано. Когда он уходил, Эртла еще работала, а когда пришел, уже сидела за своим столом. А может быть, и всю ночь провела в офисе.

– Э... да. Парень, который дал мне списки, так их и называет. Это люди, которые кончают жизнь самоубийством, топясь в море.

Эртла застонала.

– Ну ладно, пусть так. Последнее заявление когда подано?

Полицейский порылся в бумагах, но, похоже, не нашел искомого документа.

– Э... – Он уставился в потолок, беззвучно пошевелил губами и снова посмотрел на начальницу. – Восемь месяцев назад. По моим подсчетам.

Эртла махнула рукой, но он не сдвинулся с места и спросил, что ему делать с копиями отчетов. На языке у нее, судя по всему, уже вертелось что-то такое, о чем пришлось бы потом пожалеть, но она удержалась и ограничилась тем, что приказала оставить бумаги у нее на столе. Потом повернулась к детективу, с которым только что разговаривала, а поскольку он сидел неподалеку от Гвюдлэйгюра и Хюльдара, то они прекрасно всё слышали.

Наконец-то долгожданная возможность выяснить, что же все-таки происходит. Несмотря на то что накануне вечером они присутствовали на парковке, где нашли тело, сегодня их снова перевели в глубокий резерв. В то время как другие члены следственной группы сбились с ног, выполняя поручения босса, Хюльдар и Гвюдлэйгюр сидели практически сложа руки. Выглядело это абсурдно, учитывая, какой объем работы предстояло сделать.

Из разговора между Эртлой и детективом по соседству выяснилось, что ему поручается просеять кучу всевозможной информации. За прошедшую ночь специалисты отдела криминалистической экспертизы изучили содержимое ноутбука и телефона Стеллы, передав копии всех материалов, которые сочли интересными. Они также проследили активность Стеллы в соцсетях, и теперь следователю предстояло хотя бы бегло просмотреть сотни, если не тысячи постов. Более внимательного изучения требовали и записи с камер наблюдения, поскольку первое знакомство с ними не дало никаких результатов. Обнаружение потенциальных подозреваемых затруднялось из-за присутствия в фойе огромных толп, собиравшихся там до начала сеанса и в перерывах. Что касается результатов вскрытия, то их ждали с минуты на минуту, вместе с предварительным отчетом по материалу, найденному там же, где было

обнаружено тело девушки. Чтение последнего не должно было занять много времени, поскольку, как накануне вечером рассказали Хюльдару криминалисты, никаких улик на автомобильной стоянке не нашли, если не считать листка бумаги с цифрой 2.

В довершение всего был составлен длинный список людей, которых предполагалось опросить, причем некоторых повторно – в особенности тех, кто, как например родители Стеллы, пребывал в шоковом состоянии. Услышав об этом, Хюльдар наострил уши, рассчитывая, что речь пойдет о вызове подростков, и тогда у него будет повод снова привлечь Фрейю. Но Эртла об этом не упомянула. Оставалось только надеяться, что их враждебные отношения не нанесут вреда расследованию. Конечно, она не сказала ни слова ни об имейле, ни о буллинге. Возможно, еще работала с этой информацией.

– Если б я располагала неограниченными ресурсами, то послала бы кого-нибудь поговорить с теми двумя женщинами, в почтовый ящик которых подбросили телефон, – раздраженно выдохнула Эртла. – Одна из них определенно ведет себя подозрительно. Мне не удалось ее расколоть, но она очень нервничала. На мой взгляд, неестественно нервничала.

– Мы с Гвюдлэйгюром можем ими заняться, – неосторожно вставил Хюльдар, выдав себя с головой. – Пусть с ними поговорит кто-то другой. Получить другое мнение – в этом есть смысл.

Эртла крутанула головой. Гвюдлэйгюр тут же склонился к компьютеру, притворившись, что не слушает.

– Что? Вы двое?

– Конечно. Почему бы и нет? Делать нам все равно нечего. Или ты приготовила для нас другое задание? Мы слушаем. – Хюльдар мило улыбнулся, за что удостоился презрительного взгляда босса. В душе? промелькнула минутная ностальгия о тех давних днях, еще до того как они переспали, до того как Отдел внутренних расследований пропустил их через свои жернова, перемолов былую дружбу. Неужели все кончено и они больше никогда не назовут друг друга партнерами?

– Ладно. Пусть так. Отправляйтесь. – Эртла подбоченилась, и по ее лицу тенью скользнула злобная ухмылка. – И возьмите с собой Каури. Мне будет так же приятно избавиться от него, как и от вас двоих.

Детектив, с которым она разговаривала, подобострастно хихикнул, но Хюльдару было наплевать. Он добился своего – выбил задание. И теперь, не отпуская ее взгляд, спросил:

– Которая?

– Которая – что?

– Которая из тех женщин нервничала? Медсестра или врач?

– Медсестра, Ауста. Врачику зовут Тоурей. Вся информация в отчете. Отчет в папке на сервере. И не забудь – у Каури лодыжка. – Эртла повернулась обратно к своему собеседнику, продемонстрировав Хюльдару непреклонную спину, туго обтянутую рубашкой.

* * *

Медсестра Ауста принадлежала к тому типу жизнелюбов, которые ежедневно после работы занимаются джоггингом[б - Джоггинг – «медленный бег», бег трусцой.] или совершают прогулки в горы, а по выходным колесят на велосипеде, наматывая сотни километров. Она буквально источала позитивную энергию. Хотя на дворе стоял декабрь, ее густые, до плеч, блондинистые волосы отливали солнцем, а кожа – здоровым загаром. Задетый столь вопиющей несправедливостью, Хюльдар подавил тяжкий вздох. Впрочем, дальнейшие мысли в этом направлении увяли сами собой, когда из памяти всплыли грязные комментарии Хельги о лесбиянках.

Приходу полицейских Ауста не обрадовалась и долго стояла в дверях, надеясь, что гости передумают и отправятся восвояси. Столкнувшись с равным упорством с их стороны, она в конце концов позволила им войти. И это при том, что они вовсе не с неба свалились. Хюльдар позвонил заранее, логично предположив, что женщины будут на работе и разговаривать придется в каком-нибудь тихом уголке больницы. Или даже на улице, в машине. Но та, которая интересовала их

в первую очередь, оказалась дома.

– Уж не знаю, что вы от меня хотите. Я еще вчера сказала вашим коллегам, что девушку эту мы не знаем. Могу повторить то же самое сегодня.

Она провела их на кухню, жестом указала на стулья, но кофе не предложила. Да что там кофе, даже стакана воды. Как и в остальном доме, здесь царили порядок и простота, хотя взгляд постоянно натыкался на свидетельства того, что здесь живут дети.

Холодильник украшали детские рисунки. Некоторые представляли собой простенькие наброски, сделанные цветными карандашами и выдававшие неуклюжую руку ребенка, едва начавшего учиться изображать людей, – кружки с глазами и ртом, палочки вместо рук и ног. Другие были выполнены заметно лучше, и люди на них изображались с волосами и в одежде.

Многие изображали семью: четыре улыбающиеся фигуры в платьях, две большие и две маленькие, все держатся за руки. Каждую фигурку сопровождали простенькие подписи: «Мамочка», «Мамочка», «Оуск» и «Соуль». Короткие имена девочек оказались как нельзя кстати – для более длинных, выписанных большими, нетвердо стоящими буквами, на бумаге не хватило бы места. Из задней комнаты доносился саундтрек мультика. Похоже, маленькие художницы были дома.

– Мы просто зададим несколько вопросов. – Хюльдар выдвинул кухонный стул. – Много времени это не займет. Иногда кое о чем вспоминаешь с опозданием, так что мы лишь уточним кое-какие детали.

Ауста осталась стоять, прислонившись к шкафу, а трое мужчин сели; Каури поставил рядом с собой костыли.

– Что у вас? – Медсестра взглянула на высывающуюся из-под стола загипсованную ногу. Хюльдару ее интерес показался фальшивым: уж кого-кого, а больных она и на работе навиделась. Лично он был совершенно равнодушен к поддержанию закона и порядка в свое свободное время. Вот почему и ее вопрос интерпретировал как проявление тактики затягивания.

– Сломал лодыжку, – объяснил Каури, но не остановился на этом, а завел унылую пластинку с изложением изрядно всем надоевших подробностей своего несчастья. Ауста могла быть довольна: хитрость удалась. И все же данная история была не столь утомительна, как размышления о дежавю на автомобильной стоянке. Перейти к ним ветеран не успел – Хюльдар, уже слышавший все это в машине, помешал ему:

– Полагаю, нам следует перейти к делу. Чем раньше начнем, тем скорее оставим вас в покое. – Ауста тут же явила признаки беспокойства и, взяв салфетку, принялась вытирать и без того идеально чистую столешницу. Детектив сделал вид, что ничего не заметил. Эртла была права: женщина определенно нервничала. Он никогда не сомневался в тонком чутье бывшей напарницы и не видел причин сомневаться теперь, пусть даже они поссорились. – Вчера вы сказали, что не знали пропавшую девушку, Стеллу Хардардоттир. Может быть, порывшись в памяти, вы обнаружили какую-то связь? – Он поднялся, достал из папки увеличенные фотографии Стеллы, положил их на столешницу и снова сел.

– Со вчерашнего вечера ничего не изменилось, и мой ответ тот же: нет. Я с ней не знакома. – Ауста не стала брать фотографию и даже мельком на нее не взглянула.

– Вы абсолютно уверены? – Она кивнула, но Хюльдар не отступал. – Возможно, вы видели ее в больнице?

– Сомневаюсь. Я работаю в кардиологическом отделении. Детей или подростков там не бывает.

– А вы не брали дополнительные смены в детской больнице? Не работали школьной медсестрой?

– Нет. – Ауста снова принялась тереть столешницу, избегая смотреть на полицейского. Фотографию же старательно обошла, не желая даже прикоснуться к ней. – Можете спрашивать сколько хотите, но говорю вам: я ее не знала. И совершенно не представляю, почему ее телефон бросили в наш почтовый ящик.

Сдаваться так легко Хюльдар не собирался.

- Вы не могли столкнуться с ней в кинотеатре, где она работала? Повели детей в кино и, может быть, перекинулись с ней парой слов в перерыве?

- Нет. Сколько можно повторять одно и то же? Я ее не знаю.

Отрицать очевидное не имело смысла. Несмотря на странное поведение и явное напряжение, ответы звучали убедительно. Хюльдар откашлялся. До полуденных новостей полицейское начальство планировало выпустить пресс-релиз с сообщением об обнаружении тела. Сейчас часы показывали десять, и скрывать этот факт не было причин.

- Я открою вам один секрет. Мы нашли девушку. Она мертва. Убита. Теперь вы, возможно, поймете, почему нам приходится повторять одни и те же вопросы. Ситуация крайне серьезная.

Рука с салфеткой замерла. Костяшки пальцев побелели.

- Вы поймаете того, кто это сделал?

- Разумеется.

Ауста как будто немного расслабилась. Если она и имела какое-то отношение к делу Стеллы, то определенно не через убийцу. И все же ее поведение оставалось подозрительным. Что она могла скрывать?

- Как насчет телефона? Он не показался вам знакомым? - Хюльдар видел фотографию. Если не считать декоративного футляра, сам телефон практически ничем не отличался от других гаджетов, которые имелись теперь у каждого подростка страны.

- Телефон? Нет. Никогда его не видела. - Ауста озадаченно нахмурилась, но теперь она не упиралась взглядом в столешницу, а смотрела на Гвюдлэйгюра. - Я вас знаю?

- Меня? - Гвюдлэйгюр покраснел от смущения и отвел глаза. - Не думаю.

– Могу поклясться, что встречала вас раньше. – Женщина не притворялась и, похоже, на самом деле пыталась что-то вспомнить, хотя Хюльдар и заподозрил в этом еще один трюк с целью переменить тему разговора. – Вы бывали в кардиологии?

Гвюдлэйгюр заерзал и даже отвернулся.

– Я? Нет. Думаю, мы с вами не встречались.

– Просто у парня типичное исландское лицо, глядя на которое всегда возникает ощущение, что вы его где-то видели, – предложил свое объяснение Каури, очевидно, не заметивший любопытной реакции юного коллеги.

– Может быть. Но, думаю, дело не в этом. – Ауста задумчиво изучала красное от смущения лицо полицейского. – Я определенно вас знаю. Вот перестану пытаться вспомнить – и вспомню.

Гвюдлэйгюр поднялся, со скрипом отодвинув стул.

– Можно воспользоваться вашим туалетом?

Ауста сказала, куда идти, и Гвюдлэйгюр поспешил из кухни.

Такое развитие событий застало Хюльдара врасплох и совершенно сбilo с толку, хотя он и постарался это скрыть. Что, черт возьми, происходит?

– Если вы считаете, что вспомнить что-то легче, если не пытаться это сделать, то, может быть, оно и придет позднее? Я имею в виду вашу встречу со Стеллой. Давайте мы заглянем к вам во второй половине дня и повторим попытку.

– В данном случае всё не так. Я уверена, что не знала ее. Поэтому и вспоминать нечего. Но я знаю, что видела вашего коллегу. Как его зовут?

– Гвюдлэйгюр. Гвюдлэйгюр Вигниссон.

– Нет, не слышала.

– Что ж... – У него будет масса возможностей допросить напарника позже, так что Хюльдар решил сосредоточиться на том, что действительно было важно. – Как насчет вашей супруги, Тоурей? Она что-нибудь вспомнила?

– Нет, – без всякого выражения ответила медсестра. – Она тоже не знает эту девушку.

Самое время чуточку сменить тактику.

– Ну ладно. Скажите, что вам известно о буллинге?

– О буллинге? – Женщина произнесла слово так, будто впервые его слышала. – Что вы имеете в виду?

– Запугивание. Давление. Вас когда-нибудь запугивали? Вас, ваших дочерей, вашу жену... Или поставим вопрос иначе: вы или кто-то из членов вашей семьи запугивали кого-то? – Он хотел было упомянуть дефект одной из ее дочек, но в последний момент отказался от этой мысли. Какой смысл действовать человеку на нервы еще сильнее?

Ауста опустила глаза и, смяв салфетку, покачала головой:

– Нет. Нет.

– Уверены?

– Да, совершенно уверена. – Вот только ни тон, ни выражение как будто затвердевшего лица не подкрепляли это заявление. – Я больше не стану отвечать на ваши вопросы. Это нелепо. Вы могли бы потратить время с большей пользой, занимаясь чем-то по-настоящему важным и имеющим отношение к преступлению. И знаете, мне мое время дорого. Я выхожу в вечернюю смену и не готова терять полдня.

– В начале расследования не всегда можно сказать, что важно, а что нет, – с умным видом изрек Каури. Правильные слова, но Хюльдар опасался, что ветеран, преисполнившись самоуверенности, попытается перетянуть инициативу на себя.

Тот, однако, снова погрузился в молчание, и Хюльдар продолжил гнуть свою линию, пока у него не закончились вопросы, а он сам устал не меньше Аусты, чьи ответы сводились, по существу, к одному: нет, нет, не знаю, и я уже сказала, что нет. Женщина, казалось, покорилась неизбежному и отвечала равнодушно и отстраненно, но при этом стояла на своем.

Вернувшийся из туалета Гвюдлэйгюр сел по другую сторону стола. Держался он странно, в разговор не вступал и, похоже, хотел только одного: побыстрее со всем этим закончить. Хюльдар решил повторить его маневр и ненадолго избавить компанию от своего присутствия – а вдруг что-то получится?

– С вашего позволения, можно мне тоже...

Ауста удивленно посмотрела на него.

– У вас что, нет туалетов в полицейском участке?

Хюльдар виновато улыбнулся и, получив невнятное разрешение, вышел из кухни. Проходя мимо комнаты, откуда доносились мультяшные голоса, заглянул в приоткрытую дверь и увидел большой телевизор на невысокой тумбе. На экране голубые попугаи расхаживали по берегу моря. Обе девочки сидели на софе. На Аусту они совсем не походили. Возможно, пошли в другую свою мать. А вот сходство между ними было просто поразительное. Казалось – если не принимать во внимание повязку на глазу у старшей, – что это одна и та же девочка, просто разного размера. Обе розовощекие, со слегка торчащими ушами и большими голубыми глазами, с любопытством смотревшими на него из-под серых волнистых челок. Они прильнули друг к другу, и старшая спросила:

– Вы кто? – Повязка придавала ей сходство с милым, невероятно симпатичным пиратом. Хюльдар даже не удивился бы, если б один из попугаев слетел с экрана и уселся ей на плечо.

– Меня зовут Хюльдар. – Он улыбнулся и добавил в голос столько тепла и симпатии, сколько позволяла ситуация. – А вам разве не полагается быть в школе?

– У нас выходной. Наша учительница на курсах. А Соуль разрешили остаться, потому что я дома. Она в школу еще не ходит, а ходит в садик. – Девочка

приподняла повязку.

– Я хожу в школу. В детсадовскую школу. – Выступив с этим коротким опровержением, младшая тут же нырнула обратно за спину сестры.

Не обращая внимания на нее, старшая вернула на место повязку.

– А вы полицейский?

Секунду поколебавшись, Хюльдар решил ответить честно, хотя предпочел бы представиться водопроводчиком и таким образом уклониться от необходимости отвечать на неизбежный вопрос о том, что он здесь делает.

– Да, полицейский.

– Знаю. Я видела вас вчера из окна. Вы были в форме. А почему сегодня не в форме?

– Я не всегда ее ношу. – Он помахал на прощание и отвернулся, чтобы продолжить путь по коридору.

– Из-за вас мамочка плакала. – Это прозвучало сухо, как констатация факта, и ни в коем случае не обвинительно.

– Из-за меня?

– Не из-за вас. Из-за полиции. Из-за той женщины. Мамочка долго плакала. Уже после того, как вы уехали.

– Ох, извини. Я не знал. Мы не хотели ее расстраивать.

– И никто не знает. Только я. Она спряталась в ванной, чтобы мамочка Тоурей не видела. – Девочка замолчала. Нахмурилась. Чутьочку подняла голову и принялась наматывать на палец прядь волос. – Мамочка сделала что-то плохое? Вы заберете ее в тюрьму?

Соуль снова высунула голову из-за ее плеча и уставилась на Хюльдара.

– Нет. Конечно же, нет. Полицейские часто разговаривают с людьми, которые не сделали ничего плохого. Поэтому мы здесь. Тебе не о чем беспокоиться. – Он кивком указал на телевизор. – Разве что о том, чем там у этих попугаев все закончится.

Девочки повернулись к экрану, а Хюльдар поспешил сбежать. Притворяться, будто ходил в туалет, он не стал и сразу же вернулся на кухню за Гвюдлэйгюром и Каури. Пора и честь знать. Ауста ничего не скажет, как ни крути, но косвенно она уже подтвердила, что здесь творится нечто странное. Уходя, он положил на стол свою карточку и попросил женщину позвонить, если она что-то вспомнит. Но в то, что это случится, разумеется, не верил.

* * *

По дороге в участок Каури снова запел жалостливую песню о своей лодыжке. Хюльдар покрепче сжал руль, взглянул искоса на Гвюдлэйгюра и, невежливо перебив ветерана, спросил:

– Так что там все-таки было?

– Что было? – Напарник смотрел прямо перед собой, как будто он, а не Хюльдар, вел машину, и сидел с прямой спиной, словно спинка кресла ушла слишком далеко назад. – По-моему, она что-то знает, но говорить не хочет. А что знает, можно только догадываться.

– Я не об этом. Я о том, что там произошло между вами двумя. Откуда она тебя знает?

– Ошиблась. Я ее раньше в глаза не видел.

– Ты же понимаешь, что это звучит так же убедительно, как и ее утверждение насчет того, что она не знает Стеллу? – Хюльдар снова самую малость скосил глаза. Гвюдлэйгюр нервничал не меньше, чем Ауста. – Ну давай, колись. Откуда она тебя знает?

– Слушай, я понятия об этом не имею, ясно? Никогда в жизни ее не видел.

Хюльдар сжал покрепче руль. Никаких вопросов он больше не задавал. На заднем сиденье Каури плел свою историю, совершенно не замечая, что творится впереди.

Глава 12

Зазвонил телефон. Сегодня он звонил с самого утра, и Фрейя задумалась – стоит ли поднимать трубку на этот раз.

Первый звонок был от бывшего одноклассника, спрашивавшего, получила ли она имейл с приглашением на встречу выпускников. Ему почему-то очень хотелось, чтобы она пришла. После недолгих размышлений Фрейя вспомнила, кто это: они столкнулись недавно в супермаркете. Он вел себя как последний идиот и никак не мог перестать восклицать, как же здорово она выглядит.

Не устояв перед соблазном, Фрейя сообщила, что да, имейл получила, только ответить забыла. И вот теперь, когда он позвонил, не отказала себе в удовольствии: нет, она не пойдет. Нажала отбой и победоносно вскинула руку. ДА!

Второй звонок оказался более важным: мать Саги спросила, не заберет ли Фрейя девочку из садика, потому что у малышки обнаружилось расстройство желудка, а сама Фанни использовала все свои отгулы по уходу за ребенком и была бы признательна, если бы тетя, так сказать, подменила отца.

Фрейя, конечно, не отказалась. Раз уж она смогла позаботиться о собаке своего брата, то о том, чтобы взять на себя часть ответственности за его дочку, и говорить было нечего. Это не только ее прямой долг, но и великое счастье.

Вот только, согласившись исполнять обязанности сиделки, она совсем не подумала о норовирусе...

Прежде чем взять телефон, Фрейя посмотрела на спящую на софе малышку. Даже во сне ее губы сложились в недовольную гримаску, а в опущенных уголках рта все еще оставались следы рвоты.

На экране выскочило имя Хюльдара, и девушка поморщилась, секунду-другую пребывая в нерешительности. Что, если он попросит приехать в участок и помочь провести еще несколько интервью с подростками? Сагу с собой не возьмешь, вдруг ее снова вырвет. Но и отказаться нельзя – ведь она официально откомандирована в распоряжение полиции.

– Слышала новости? – Как обычно, Хюльдар взял с места в карьер, едва услышав ее «алло».

– Это что, такой полицейский прием? Не представляться, а сразу к делу, как будто мы уже разговариваем...

– Нет. Извини. Это Хюльдар. Так ты смотрела новости?

– Еще не смотрела. – До того как ей подкинули Сагу, Фрейя все утро просидела за книгами. Математические задачки, временно отложенные, ждали своей очереди на кухонном столе. Все указывало на то, что в ближайшее время перемен к лучшему не предвидится. Что ж, это хоть и неприятно, но далеко не конец света.

– Что случилось?

– Стелла. Нашли, мертвую.

– Нашли? – Получилось глупо, как будто новость застала ее врасплох, хотя с самого начала, посмотрев запись с камер наблюдения, Фрейя понимала в глубине души, что девушка мертва.

– Да. Так что официально это убийство.

Фрейя молчала, подбирая правильные слова. Если даже она продолжала цепляться за призрачную надежду, что Стелла все-таки жива, то каково же сейчас ее родным? Наверняка убиты горем.

– Это ужасно. Бедные родители... Их ведь известили первыми, до того как сообщили в новостях? Ведь так, да? Только не говори, что они узнали об этом из телевизора. Им предложили психологическую помощь? – При получении дурных вестей ее всегда прорывало потоком бессмысленных вопросов.

– От помощи отказались, не хотят. И нет, узнали не из телевизора. Полиция связалась с ними вчера вечером. Они... они в шоке. Чего и следовало ожидать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Крип – на подростковом сленге обозначает либо некрасивого мужчину, ведущего себя странно, либо незаметно следящего за кем-то человека.

2

Детская игра. Суть ее заключается в том, что игроки двигаются под музыку и должны замереть после того, как ведущий остановит ее в случайном месте. После этого из игры выбывают те, кто продолжает двигаться или не успел остановиться достаточно быстро. И так – до последнего человека, который и становится победителем.

3

Дан Ольвеус – норвежский психолог, один из основоположников исследования буллинга в западной психологии.

4

Патологоанатомический стол.

5

База данных ДНК, созданная и поддерживаемая ФБР США. Используется по всему миру. Для доступа нужен одобренный ФБР запрос.

6

Джоггинг – «медленный бег», бег трусцой.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sigurdardottir_irsas/proschenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)